

ОТДЕЛ V ХРОНИКА

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ АКАДЕМИИ ЗА 2009/2010 УЧЕБНЫЙ ГОД

УДК 378.225

В 2009/2010 учебном году в Московской духовной академии были защищены 64 дипломные работы на очном отделении Семинарии, 8 кандидатских диссертаций на очном отделении Академии, 13 дипломные работы в секторе заочного обучения Семинарии.

В 2009/2010 учебном году защитили дипломные работы выпускники Семинарии:

1) Багрецов Роман по кафедре Церковной истории на тему: «История Тамбовской епархии (1917–1988 гг.)»;

2) Баданин Александр по кафедре Библистики на тему: «Экзегеза синоптических Евангелий в гомилетическом наследии святителя Филарета Московского по периоду от начала Евангельской истории до искушения Господа Иисуса Христа в пустыне»;

3) Безилий Димитрий по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Анализ вероучительного аспекта учебных пособий социокультурного курса “Истоки”»;

4) Безручко Фёдор по кафедре Библистики на тему: «Разрешение проблем, связанных с евангельскими повествованиями о Воскресении Иисуса Христа, в трудах русских экзегетов»;

5) Беляев Сергей, диакон, по кафедре Богословия на тему: «В. В. Розанов. Религиозные мотивы в “Опавших листьях”»;

6) Бородинов Роман по кафедре Богословия на тему: «Жизнь и деятельность Елены Уайт»;

7) Боярский Александр по кафедре Библистики на тему: «Архиепископ Василий (Богдановский) как экзегет Послания апостола Павла к Ефессянам»;

8) Венедков Максим по кафедре Филологии на тему: «Переписка императора Иоанна VI Кантакузина с латинским патриархом Кон-

стантинополя Павлом с приложением критического издания “Послания” Феофана, митрополита Никейского (комментированный перевод с древнегреческого языка»;

9) Волошиненко Михаил, диакон, по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Церковно-певческое наследие В. С. Калиникова»;

10) Гарин Алексей по кафедре Филологии на тему: «”Книга церковных догматов” Геннадия Марсельского (комментированный перевод)»;

11) Гаркуша Алексей, иерей, по кафедре Богословия на тему: «Влияние западной богословской традиции на русскую церковную культуру второй половины XVIII — начала XIX века»;

12) Гнатовский Алексей по кафедре Библистики на тему: «Учение о христианской нравственности святителя Григория Богослова»;

13) Голованя Андрей по кафедре Богословия на тему: «Религиозно-нравственное воспитание детей в семье православного священника»;

14) Голян Виктор, иерей, по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «История и архитектура Владимир-Волынского кафедрального собора»;

15) Догадаев Кирилл по кафедре Библистики на тему: «Экзегеза событий Страстной седмицы в трудах святителя Николая Сербского»;

16) Евтеев Сергей по кафедре Церковной истории на тему: «Почитание великомученика Димитрия Солунского в Древней Руси»;

17) Зайцев Алексей по кафедре Богословия на тему: «Святые отцы и церковные писатели о человеческой дружбе»;

18) Зуб Евгений по кафедре Церковной истории на тему: «Архимандрит Варлаам Высоцкий: жизнь и деятельность»;

19) Зубрий Евгений по кафедре Богословия на тему: «Проблема смысла жизни в античной философии»;

20) Иоанн (Немцев), инок, по кафедре Богословия на тему: «Сектоведческая тематика в деятельности Предсоборного Присутствия 1906 г.»;

21) Кабанов Вадим по кафедре Филологии на тему: «Перевод трактата “Против еретиков” святителя Амфилохия Иконийского».

22) Кабанов Константин, диакон, по кафедре Богословия на тему: «Религиозно-общественные взгляды Н. А. Бердяева»;

23) Казаринов Сергей по кафедре Филологии на тему: «Перевод 1, 4, 5 и 7 глав обзорного труда М. Виллера и К. Ранера “Аскетика и мистика времен отцов”»;

24) Калуша Николай по кафедре Филологии на тему: «Гордость как проблема отношения человека к Богу: по роману Ф.М.Достоевского “Идиот”»;

25) Карпенко Илья по кафедре Библистики на тему: «Святитель Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, как экзегет Четвероевангелия»;

26) Кирсанов Сергей по кафедре Филологии на тему: «Перевод трактата “О благе смерти” (De bono mortis) свт. Амвросия, епископа Медиоланского»;

27) Конюхов Михаил, диакон, по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Брак и безбрачие священнослужителей»;

28) Кораблин Виктор по кафедре Церковной истории на тему: «Жизнеописание подвижников скитов Свято-Троицкой Сергиевой Лавры XIX – начала XX века»;

29) Кочуров Александр по кафедре Богословия на тему: «Мировоззрение Ивана Сергеевича Аксакова по его письмам»;

30) Крикот Виталий, диакон, по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Вера в жизни и творчестве композитора Георгия Свиридова»;

31) Кристев Иван по кафедре Богословия на тему: «Богословие света в Священном Писании и церковной письменности I–IV вв.»;

32) Лизгунов Павел по кафедре Церковной истории на тему: «Жизнеописание подвижника Глинской пустыни схиархимандрита Андроника (Лукаша»;

33) Лоскутов Николай по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «История и архитектура Спасского кафедрального собора города Пензы»;

34) Малашкин Сергей, иерей, по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «История иконографии Благовещения Пресвятой Богородицы»;

35) Маркелов Сергей по кафедре Библистики на тему: «Архиепископ Василий (Богдашевский) как экзегет Евангелия от Матфея»;

36) Омелянчук Иван по кафедре Церковной истории на тему: «История Свято-Успенского Космина монастыря в XV–XVIII веках»;

37) Пиков Алексей, иерей, по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Проповедничество архимандрита Иоанна (Крестьянкина)»;

38) Плоский Андрей по кафедре Богословия на тему: «Церковь, государство, нация по трудам святителя Николая Сербского»;

39) Плоский Антон по кафедре Богословия на тему: «Государственно-правовое регулирование деятельности Русской Православной Церкви на основе законодательных актов РФ с 1993 по 2009 гг.»;

40) Подгорнов Олег по кафедре Богословия на тему: «Значение ума и сердца в антропологии и аскетике по творениям преподобного Макария Египетского и Евагрия Понтийского»;

41) Пузиков Денис по кафедре Богословия на тему: «Учение о христианской нравственности по творениям святого Игнатия Антиохийского и святого Поликарпа Смирнского»;

42) Русских Михаил по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Церковнорегентская деятельность Н. В. Матвеева»;

43) Рябиков Алексей, по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Пастырская деятельность архимандрита Иоанна (Крестьянкина) по воспоминаниям его духовных чад»;

44) Савчук Николай, протоиерей, по кафедре Богословия на тему: «Обзор официальных папских документов Католической церкви за XX век»;

45) Садовничий Алексей по кафедре Богословия на тему: «Тема духовно-нравственного совершенства человека в пастырско-богословском наследии святителя Феофана Затворника»;

46) Сафонов Алексей по кафедре Богословия на тему: «Тема насилия в богословии Джона Милбанка»; Семенюк Василий по кафедре Библистики на тему: «Евангелие от Луки в трудах Н. Н. Глубоковского»;

47) Сафронов Иван по кафедре Церковной истории на тему: «Патриархи Румынской Православной Церкви XX-го века»;

48) Сёх Андрей по кафедре Богословия на тему: «Сотериологическое значение добродетели послушания в творениях святителя Игнатия, епископа Кавказского»;

49) Синецын Максим, иерей, по кафедре Библистики на тему: «Сравнительный анализ произведений “Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа” святителя Иннокентия (Борисова) и “Жизнь Иисуса” Эрнеста Ренана»;

50) Сухарев Сергей по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Святитель Мелетий Рязанский и Зарайский. Жизнь и миссионерские труды»;

51) Тарасюк Владимир, диакон, по кафедре Богословия на тему: «Богословие по художественным произведениям Клайва Стейнлаза Льюиса»;

52) Теличкин Александр, диакон, по кафедре Филологии на тему: «Житие святого благоверного князя Феодора Ярославского как памятник древнерусской княжеской агиографии»;

53) Трегубов Андрей диакон, по кафедре Церковной истории на тему: «Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской монастырь от основания до закрытия в советское время»;

54) Феоктист (Игумнов), иеромонах, по кафедре Богословия на тему: «“Combattimento spiritual” Лоренцо Скуполи, “O agoratos polemos” прп. Никодима Святогорца и ее перевод свт. Феофаном Затворником: сравнительный анализ»;

55) Форкавец Владислав, иерей, по кафедре Церковной истории на тему: «Анафематствование Ивана Мазепы. Исторический и церковно-практический анализ»;

56) Цветков Дмитрий по кафедре Богословия на тему: «Духовно-нравственная проблематика в трудах святителя Дмитрия Ростовского»;

57) Чамин Артем по кафедре Церковной истории на тему: «История Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря»;

58) Чайкин Тимофей, диакон, по кафедре Богословия на тему: «Тертуллиан — учитель христианской нравственности»;

59) Чесноков Зиновий по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Житие и пастырское служение преподобного схи-митрополита Серафима (бывшего Зиновия (Мажуги), митрополита Тетрицкаройского)»;

60) Чернобай Дмитрий, диакон, по кафедре Церковной истории на тему: «Обзор деяний Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 года»;

61) Чивиков Георгий по кафедре Церковной истории на тему: «История Тверской епархии в период самостоятельности Тверского княжества (1271—1485 гг.)»;

62) Чурочкин Александр, иерей, по кафедре Филологии на тему: «Перевод второй книги “Моралии на Иова” (Moralia in Iob) святителя Григория Двоеслова, папы Римского»;

63) Щелоков Иван по кафедре Филологии на тему: «Перевод шестой и седьмой книг трактата “Против Донатиста Пармениана (Adversus Parmenianum Donatistam)” святителя Оптата, епископа Милевийского»;

64) Юсупов Алексей по кафедре Филологии на тему: «Переводы православной вероучительной и богослужебной литературы на китайский язык в контексте истории Православия в Китае в XIV—XIX вв.»

В 2009/2010 учебном году защитили дипломные работы выпускники Академии по СЗО:

1) Афанасьев Евгений, иерей, по кафедре Богословия на тему: «История богословского диалога Русской Православной Церкви и Евангелической Лютеранской церкви Германии»;

2) Волков Дионисий, иерей, по кафедре Богословия на тему: «Проблема свободы и происхождения зла в творениях Ансельма Кентерберийского»;

3) Гермоген (Серый), игумен, по кафедре Церковной истории на тему: «История Тобольской духовной семинарии с 1850-х годов до закрытия в 1918 году»;

4) Гузь Сергей, иерей, по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Обзор трудов русских патрологов XX века»;

5) Дахин Алексей, диакон, по кафедре Церковной истории на тему: «История храма Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе, г. Москва»;

6) Ефрем (Морковкин), игумен, по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Устав Оптиной Пустыни в истории русской монашеской традиции XIX — начала XX вв.»;

7) Палийчук Димитрий, протоиерей, по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Пастырство схиархимандрита Гавриила (Зырянова)»;

8) Серафим (Стандхарт), иеромонах, по кафедре Филологии на тему: «Особенности перевода Божественной Литургии на голландский язык»;

9) Симон (Истюков), иеромонах, по кафедре Церковной истории на тему: «История Русской духовной миссии в Иерусалиме»;

10) Трифонов Александр, иерей, по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Действующие храмы города Тобольска (история, архитектура, святыни)»;

11) Филиппов Александр, иерей, по кафедре Церковной истории на тему: «Жизнь и труды святителя Иннокентия (Смирнова), епископа Пензенского»;

12) Холкин Иоанн, иерей, по кафедре Церковной истории на тему: «Преображенское кладбище — центр московских старообрядцев-федосеевцев»;

13) Шелушпанов Андрей, иерей, по кафедре Церковной истории на тему: «Арианские споры в изложении древнецерковных историков Сократа Схоластика, Созомена и блаженного Феодорита».

В 2009/2010 учебном году кандидатские диссертации защитили выпускники Академии:

1) Дамаскин (Грабеж), иеромонах, по кафедре Церковной истории на тему: «Влияние русского монашества первой эмиграционной волны на духовную жизнь в Сербии 20—30 годов XX века»;

2) Доброцветов Павел, по кафедре Богословия на тему: «"Богословские главы" (Loci communes), приписываемые преопдобному Максиму Исповеднику как памятник византийской церковной письменности»;

ХРОНИКА

3) Жамков Алексей, по кафедре Церковной истории на тему: «Русская Православная Церковь и советское государство: 1943—1991 гг. (история взаимоотношений на материалах Вологодской епархии)»;

4) Кечкин Иоанн, иерей, по кафедре Церковной истории на тему: «Святой Опат, епископ Милевитский, как церковный историк донатизма»;

5) Никулин Иван, по кафедре Церковной истории на тему: «Митрополит Игнатий (Римский-Корсаков). Жизнь и деятельность»;

6) Сафонов Дмитрий, по кафедре Церковной истории на тему: «Высшее управление Русской Православной Церкви в 1921—1925 гг. в контексте государственно-церковных отношений»;

7) Силин Никита, по кафедре Церковной истории на тему: «Жизнь и деятельность митрополита Вениамина (Федченкова) в 1948—1961 гг. в контексте церковно-государственных отношений»;

8) Феодорит (Тихонов), иеродиакон, по кафедре Филологии на тему: «Источники и методы экзегезы святителя Амвросия Медиоланского на примере его “Толкования Истории патриарха Авраама”».

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ НА КАНДИДАТСКИЕ
ДИССЕРТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ АКАДЕМИИ
2009/2010 УЧЕБНОГО ГОДА

УДК 801.731 (378.225)

1.1 ОТЗЫВ преподавателя священника Сергия ЕЛИСЕЕВА на кандидатскую диссертацию профессорского стипендиата иеромонаха ДАМАСКИНА (Грабежа) по кафедре Церковной истории на тему: «Влияние русского монашества первой эмиграционной волны на духовную жизнь Сербии в 20–30 годах XX века»

Диссертационное исследование иеромонаха Дамаскина (Грабежа) посвящено вкладу русского монашества первой волны эмиграции в возрождение и развитие сербского монашества в 20-х — 30-х годах XX века. Тема диссертации представляет немалый интерес не только для исследователей истории русско-сербских связей, но и для всех интересующихся как историей русской церковной эмиграции, так и еще малоизученной, непростой историей взаимоотношений Поместных Православных Церквей после Первой мировой войны и крушения Российской империи — некогда защитницы и покровительницы всех православных народов. Работа иеромонаха Дамаскина содержит ряд важных свидетельств о русском духовенстве в эмиграции, которые позволяют пересмотреть прежние представления о характере духовной жизни Русской Церкви в синодальный период ее бытия. Так, например, автор пишет о том, что одним из крупных недостатков в духовной жизни сербов в данный период была редкая исповедь, а в некоторых местностях исповедь и вовсе не практиковалась. В числе первых на необходимость исповеди обратил внимание митрополит Белградский Михаил, учившийся в России и хорошо знавший практику Русской Церкви. «После прихода русских старцев и духовников, монахов и монахинь, — пишет в своей работе иеромонах Дамаскин, — наши монахи и монахини встретили опытных духовников-старцев, у которых

стали учиться покаянию и исповеди». С именем митрополита Михаила связано и противодействие введению в Сербской Церкви разрешения для духовенства вступать в повторный брак. Нужно сказать, что вопрос этот обсуждался в среде Православных Поместных Церквей достаточно долго. Отзвуки этой полемики, со ссылкой на сербский прецедент, были слышны вплоть до 30-х годов XX века, например, на православно-старокатолических беседах. И хотя автор в своей работе специально не обсуждает этот вопрос, представленная им картина мощного влияния русской монашеской традиции не оставляет сомнения в том, что не в последнюю очередь именно благодаря этому влиянию в Сербской Церкви укрепился традиционный взгляд на брак духовенства.

На предзащите рецензентами был высказан ряд замечаний к работе иеромонаха Дамаскина. Они относились главным образом к первым двум главам диссертации, построенным преимущественно на сербской исторической литературе без учета работ несербских историков. Особое место в ряду замечаний занимал вопрос о том, как автором диссертации излагалась история взаимоотношений между церковным священноначалием в советской России и в эмиграции. Этот вопрос, в общем-то не относящийся напрямую к теме диссертационного исследования, был изложен автором слишком кратко.

Учитывая замечания рецензентов, автор внес значительные изменения как в структуру работы, так и в содержание первых двух глав. После внесенных изменений работа обрела необходимую цельность и стройность в изложении материала. Автором также были учтены замечания относительно недостаточного использования имеющейся литературы по теме представленной работы. В исправленном варианте библиографический список пополнился новой литературой, ссылки на которую имеются и в основном тексте диссертации.

По мнению рецензента, иеромонах Дамаскин (Грабеж) заслуживает присвоения ему искомой степени кандидата богословия.

1.2. ОТЗЫВ ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН В. И. КОСИКА на кандидатскую диссертацию профессорского стипендиата иеромонаха ДАМАСКИНА (Грабежа) по кафедре Церковной истории на тему: «Влияние русского монашества первой эмиграционной волны на духовную жизнь в Сербии 20–30 годов XX в.»

Безусловно, труд иеромонаха Дамаскина (Грабежа) заслуживает присвоения ему искомой степени кандидата богословия по ряду причин:

- во-первых, по новизне представленной работы, в которой исследован сложный спектр вопросов, связанных с русским монашеством в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия) и его влиянием на духовную жизнь в Сербии.
- во-вторых, по тщательности разработанных в диссертации тем и сюжетов, посвященных русскому монашеству в Сербии, возрождению сербского женского монашества.
- в-третьих, по широте нарисованной автором картины приема русских беженцев, русского духовенства русско-сербским и сербским монастырями в Сербии, пдуховному влиянию русского монашества в контексте тем, обусловленных поставленными задачами самого исследования.

Все это позволило автору на основе принципов историзма создать целостный, оригинальный труд.

Подчеркну, что работа написана плотно и содержательно.

Одна из существенных характеристик представленного труда заключается в его основательности: проработано большое количество архивных документов и материалов — все они органично входят в ткань собственно авторского текста.

Поставленная автором задача решалась на основе привлечения документов из зарубежных архивов (архив Югославии и архив Сербской академии наук и искусств, где хранится часть архива Синода СПЦ и Президентский архив Сремско-Карловацкой епархии) и Государственного архива РФ, в котором находится часть документов сербского происхождения. Использованы такие источники, как дневники, письма, воспоминания, периодические издания. Привлекались работы отечественных и зарубежных исследователей.

Новизна труда определяется тематикой и задачами работы по созданию первого комплексного исследования, посвященного влиянию русского монашества первой эмиграционной волны на духовную жизнь в Сербии 1920—1930 гг., равно как и введением в научный оборот новых документов, что способствует приращению исторического знания.

К сказанному добавлю, что категория необходимой актуальности обуславливается как самим содержанием труда, так и уникальностью тематики.

По сути, сложнейшая тематика, исследуемая автором, не потеряла своего значения в современности: знание церковной истории, русско-сербских связей всегда имели особую ценность в истории взаимоотношений между двумя православными народами.

Хронологическое пространство исследования обосновано и не вызывает каких-либо сомнений или возражений.

Выдвинутая автором цель — «исследование духовного вклада русских монастырских братств и сестричеств в Сербском государстве 20-х — 30-х годов XX века и их влияния на возрождение и развитие сербской монашеской духовности» с особым вниманием к «выдающимся представителям русской духовной традиции: монахам и монахиням — подвижникам благочестия, подвизавшимся в сербских землях в тот период», — достигается через решение соответствующего набора задач, поставленных в диссертации.

Именно поэтому столь важно интересное исследование иеромонаха Дамаскина (Грабежа), позволяющее достаточно глубоко проанализировать, четко, стройно и понятно осветить состояние сербского монашества в начале исследуемого периода, процессы обустройства русских и русского духовенства в Сербии, определить значение русского монашества на Сербской земле, рассмотреть историю создания русско-сербских обителей и их деятельность, исследовать и показать влияние русского монашества на духовную жизнь в Сербии.

Последовательно освещая различные сюжеты, связанные с русским монашеством, автор впервые дает обширную картину влияния русского монашества в сфере устройства мужских общежительных монастырей, возрождения женского монашества, духовного образования, миссионерской работы, церковного искусства, благотворительной деятельно-

сти, позволяет приблизиться к правильному пониманию и прочтению не только событий давно ушедшего времени, но и, в определенной степени, настоящего.

Уже в первой, казалось бы, банальной, главе, посвященной приему русских беженцев, автор, привлекая архивные документы, активно используя обширную литературу как известную, так и малодоступную, сумел нарисовать яркую информационную картину. Здесь и обзор терминологического вопроса о том, как правильно называть прибывших русских изгнанников — беженцами или эмигрантами. Сам автор использует оба названия как равнозначные. Замечу, что мне встречалось в одном документе и слово «эвакуант», но оно не прижилось. Отлично написана глава по приему русских беженцев, отмечена деятельность в этой области епископа Досифея Нишского, представлена образовательная структура русской эмиграции, показана пестрая информационная картина о количестве русских изгнанников. Замечу, что вплоть до сегодняшнего дня не сложилось единого мнения по этому вопросу.

Диссертант подчеркнул, что благодаря новым жителям Королевства был «дан мощный импульс развитию науки, искусства, индустрии, архитектуры, агрономии, а также образования и просвещения: сотни русских учителей преподавали в сербских учебных заведениях. Они внесли большой вклад в дело просвещения сербской молодежи».

При освещении сюжета о русском духовенстве о. Дамаскин (Грабеж) совершенно верно отметил очень большое значение русского монашества в сфере возрождения в Сербии этого института, особенно женского.

При этом сама Русская Церковь, по мнению автора, стала центром «русско-сербского религиозного, культурного и национального притяжения».

В то же время, при всех достоинствах диссертации, отмечу, что труд только выиграл бы, если бы автор уделил больше внимания характеристике самого монарха Александра I Карагеоргиевича и его Королевства, возникновение которого стало одним из результатов Первой мировой войны, когда Россия вступила за Сербию.

Вторая глава посвящена русскому мужскому монашеству в Сербии — стране, где после Первой мировой войны, как подчеркивается

в диссертации, в большинстве мужских монастырей «вовсе не было братии, либо было всего несколько монахов, а чаще — лишь один иеромонах». Именно благодаря сильному духовному влиянию русского духовенства, пишет дальше автор, стало возможным сохранение духовной жизни в сербских монастырях.

На основе многочисленных источников иером. Дамаскин ярко обрисовал картину прихода русского монашества в сербскую церковную жизнь, подчеркнул роль таких иерархов, как Гавриил (Чепур), Сергей (Петров), Михаил (Космодамианский).

Органически входит в текст короткий сюжет о русском святогорском братстве на Сербской земле. Хотя не премину заметить, что его история могла бы быть исследована и показана подробнее и в более широких хронологических рамках. На хорошем уровне, с привлечением новых архивных сведений представлены сюжеты о русско-сербских монастырях — о малоизвестной обители Петковица, о вошедшем в историю Мильково, связанном прежде всего с именем Амвросия (Курганова), его влиянием на духовную жизнь им пасомых. Диссертант подчеркивает, что «из обители старца Амвросия вышли многие верные сыны Церкви Христовой, сохранившие эту святыню и ее игумена в своем сердце. Одним из них был и величайший сербский старец последней четверти XX века — Фаддей Витовницкий».

В диссертации большое внимание уделено и роли русской профессуры в сфере богословского образования. Отмечено, что такие русские преподаватели богословского факультета Белградского университета, как А. П. Доброклонский, Н. Н. Глубоковский, Ф. И. Титов внесли большой вклад в развитие сербской богословской мысли. «Своим опытом эти преподаватели, — пишет автор, — способствовали дальнейшему процветанию факультета и оказали глубокое влияние на последующие поколения студентов. Большинство будущих духовных лиц нашей святой Церкви и преподавателей богословских учебных заведений учились на богословском факультете у русских профессоров».

Сжато, но достаточно ярко рассказано о влиянии русских монахов-наставников и воспитателей на подготовку монашества в монашеской школе, а также об «образовательном и духовном обновлении» в средних богословских школах благодаря трудам таких русских преподава-

телей, как протоиерей Василий Виноградов, о. Нил Малахов, о. Борис Селивановский. Как пишет диссертант, «наибольшее влияние из всех русских наставников и воспитателей во всех наших образовательных учреждениях оказал на будущие поколения сербских священнослужителей один из любимейших ныне наших святых, профессор Битольской семинарии — святой Иоанн Шанхайский».

Один из сюжетов в диссертации связан с «богомольческим» движением. Диссертант освещает ряд важных тем, связанных с историей и деятельностью сербских иерархов в сфере «богомольческого» движения и русским влиянием. В частности, автор приводит слова русского священника Алексея Романенко: «Богомольческое движение — хорошее начало для привлечения верных к церковным службам, и приходские священники должны всемерно поддерживать его и правильно руководить им с полной искренностью и любовью. Плоды этого движения уже начали приносить успехи: так, например, нередко можно видеть, что богомольцы не ограничиваются лишь посещением своего храма, но зачастую идут километры до святой обители. Они проходят пешком через города и села, везде показывая добрый пример согражданам».

И хотя история этого движения напрямую не связана с русским именем, тем не менее трудно не согласиться с автором о том, что возрождение сербского «монашества и его духовной жизни осуществилось несомненным Божиим Промыслом: приходом русских монахов и монахинь, трудами владыки Николая и воскрешением народного благочестия. Если закваской были пришедшие русские монахи и монахини, то муку дало «богомольческое» движение. При этом приход русских монахов и монахинь в сербские монастыри и их свидетельство о Христе распятом и воскресшем перед алчущим и жаждущим Бога живого народом дало новый импульс церковной жизни сербов. Таким образом, в возрожденном монашестве произошел синтез русской монашеской традиции общежития и обновленной духовной жизни сербского народа».

Третья глава посвящена возрождению сербского женского монашества. В ней автор на основании многочисленного корпуса архивных источников и литературы исследовал и дополнил новыми сведениями эту важнейшую тему.

О. Дамаскин отлично дал историю возникновения на Сербской земле знаменитой Хоповской (Леснинской) обители с ее игуменией Екатиериной (Ефимовской), для характеристики которой автор приводит слова из статьи прп. Иустина Поповича «О ней — необычной русской между нами, обычными»: «В ее присутствии чувствовалось, что человек — больше душа, нежели тело; она умела сократить расстояние между своей душой и твоей; умела войти в твою душу: тихо, кротко, благостно, с улыбкой, чтобы поднять тебя из ямы эгоизма, чтобы вознести тебя на свои солнечные высоты».

Также в диссертации освещена история возникновения первого сербского женского монастыря Кувеждин и ее первой игуменьи Мелании (Кривокучин), бывшей послушницы в Хоповском монастыре. Правда, как подчеркивает автор, русские насельницы составляли большинство в новой обители.

Автором достаточно подробно, с привлечением новых архивных материалов представлено духовное наследие игуменьи Мелании, делавшей все возможное для «взрастания» монастыря и его насельниц.

В итоге своего исследования о женском монашестве Дамаскин (Грабеж) делает вполне обоснованный вывод о том, что «русский монастырь Хопово и первый сербский женский монастырь Кувеждин стали питомниками нашего женского монашества. Настоятельница монастыря Кувеждин мать Мелания, с бескорыстной помощью русских сестер, имевшей решающее значение, возродила сербское женское монашество и тем самым стала духовной матерью многих будущих монахинь. Из Хопово и Кувеждина вышло наибольшее число наших игумений, которые уберегли от запустения многие наши святыни. Всего из этих двух монастырей вышло 27 игумений, и так наше женское монашество вскоре стало многочисленнее мужского».

В диссертации представлена и исследована также монастырская благотворительная деятельность. Это и помощь русским беженцам, и призрение детей-сирот, и медицинские услуги, и другие формы работы, связанные с помощью нуждающимся в ней.

В целом, этот сюжет о возрождении сербских женских обителей написан очень хорошо и полон новой информацией, что, несомненно, способствует приращению исторического знания в этой сфере.

Выводы иеромонаха Дамаскина логичны и органично связаны с текстом исследования.

И как итог: диссертация иеромонаха Дамаскина (Грабежа) представляет собой оригинальный труд, посвященный влиянию русского монашества первой эмиграционной волны на духовную жизнь в Сербии 1920–1930 годов.

Сделанные в отзыве замечания не имеют принципиального характера и не могут повлиять на высокую оценку диссертации.

Автореферат соответствует тексту диссертации.

Сам труд может быть рекомендован к печати, привлечен к подготовке спецкурса, может использоваться при чтении лекций.

Текст диссертации, имеющиеся публикации полностью отвечают соответствующим требованиям, а ее автор, иеромонах Дамаскин (Грабеж), заслуживает присвоения искомой степени кандидата богословия.

2.1 ОТЗЫВ игумена АДРИАНА (Пашина) на кандидатскую диссертацию П. К. ДОБРОЦВЕТОВА по кафедре Богословия на тему: «“Богословские главы” (Locī communes), приписываемые прп. Максиму Исповеднику, как памятник византийской церковной письменности»

Флорилегий «Богословские главы» (Locī communes), приписываемое прп. Максиму Исповеднику, — это собрание высказываний из Ветхого и Нового Завета, отцов Церкви и церковных писателей, а также некоторых иудейских авторов, языческих философов, писателей и поэтов. Оно является первым из известных произведений христианско-языческого флорилегийного жанра. Использование христианскими авторами античного наследия для составления таких смешанных антологий духовно-нравственного содержания было характерно для византийской эпохи. Данное произведение оставило след и в славянской рукописной традиции под названием «Пчела». В силу сказанного весьма актуальными видятся заявленные диссертантом задачи: дать обзор рукописной традиции, истории издания и исследования «Богословских глав» и произвести реконструкцию духовно-нравственного учения этого флорилегия.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии (34 наименования) и приложения, в котором приводится перевод автора диссертации первых десяти (из 71) глав исследуемого флорилегия.

Во введении раскрываются предмет, цель, задачи, значимость и актуальность исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту. Также даны обзор литературы по теме диссертации и краткая история жанра флоригелиев в античной и христианской письменности.

Первая глава «Текстологическое исследование» описывает состав и структуру «Богословских глав», дает краткие сведения об авторах, цитируемых в этом произведении. Также описывается научная полемика по поводу авторства и датировки флорилегия, история изучения рукописной традиции, история изданий «Богословских глав» как на греческом языке, так и в переводах, в том числе и славянских.

Во второй главе «Концептуальное исследование» дан систематический анализ учения «Богословских глав». Структура главы тщательно продумана: сначала дано описание онтологических, христологических, сотериологических, эсхатологических и антропологических моментов из учения исследуемого произведения, затем даны педагогические положения и особое внимание уделено нравственному учению флорилегия. В ходе анализа приведены многочисленные цитаты из «Богословских глав» в переводе диссертанта. Глава заканчивается логическим выводом, суммирующим приведенные в нем положения и аргументы.

В заключении сформулированы выводы, которые в основном тексте диссертации были вполне убедительно обоснованы. Выводы текстологического исследования сводятся к тому, что исследуемый диссертантом флорилегий «Богословские главы», приписываемый прп. Максиму Исповеднику, наверняка является не аутентичным, а время его составления определяется рамками с середины VII по X век. Автор диссертации делает выводы об источниках и соотношении различных редакций «Богословских глав». Реконструкция учения флорилегия позволила автору диссертации сделать выводы, что «Богословские главы» по своему широкому содержательному охвату представляют собой духовно-нравственную «энциклопедию» византийского общества, или

учебник духовной и житейской мудрости; что произведение носит скорее нравственно-назидательный, а не богословско-догматический характер; что оно показывает преемственность лучшего наследия античной морально-нравственной мудрости в христианстве.

Среди главных достоинств работы я выделил бы то, что автор диссертации в процессе работы над ней готовит перевод полного текста «Богословских глав» (сейчас в приложении дан перевод первых десяти глав). Надеюсь, что данный перевод будет успешно завершен и данное произведение станет доступным русскоязычному читателю в полном объеме. Язык диссертационной работы очень аккуратный и взвешенный, в целом она выполнена на весьма высоком научно-исследовательском уровне и удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым ВАКом для кандидатских диссертаций, а автор несомненно заслуживает искомой степени кандидата богословия.

2.2 ОТЗЫВ профессора ПСТГУ протоиерея Олега ДАВЫДЕНКОВА на кандидатскую диссертацию П. К. ДОБРОЦВЕТОВА по кафедре Богословия на тему: «“Богословские главы” (Loci communes), приписываемые прп. Максиму Исповеднику, как памятник византийской церковной письменности»

Кандидатское сочинение П. К. Доброцветова производит двойственное впечатление. С одной стороны, диссертант проделал немалую работу: собрал и обобщил значительный материал по теме исследования, основательно его проработал, выполнил перевод на русский язык части исследуемого памятника. С другой стороны, создается впечатление, что автор не вполне понимает, как распорядиться оказавшимся в его руках материалом, каким образом так его организовать, чтобы в результате получился не только более или менее содержательный текст, а действительно научное исследование. Именно со стороны формальных требований к работе П. К. Доброцветова могут быть предъявлены основные претензии.

1. Цель диссертационного исследования заявлена следующим образом: «выявить характерные черты византийского мировосприятия на рубеже I и II тысячелетий по Р.Х. на примере сочинения Loci

communes, как объективным и представительным образом концентрирующего в себе мировоззрение и ценностные ориентиры православных византийцев того времени» (с. 5). Однако из семи указанных автором задач исследования (с. 5–6) только одна (№ 7) соответствует заявленной цели, при желании частичное соответствие можно усмотреть в задачах № 5 и 6. Остальные задачи с целью исследования вообще никак не коррелируют.

2. Некоторые из сформулированных задач вообще вряд ли могут рассматриваться в качестве задач научного исследования. Например, задача № 3 звучит так: «Дать библиографический обзор имеющихся исследований по данной теме» (с. 5). Однако историографический обзор (именно историографический, а не библиографический, как ошибочно выражается диссертант) является «канонической» частью введения любого диссертационного исследования и потому не может быть определен в качестве его задачи.

Задачи № 2 и 4 содержатся вполне могли бы войти в состав обзора источников (источника), который также является обязательной частью введения к диссертации и во введении к рассматриваемой работе отсутствует. Исключение могут составлять только либо чисто источниковедческие работы, либо работы, основанные на ранее не издававшихся источниках, впервые вводимых в научный оборот. В данном же случае работа заявлена как богословская (с. 6) и основана на источнике, давно изданном и хорошо известном в мировой науке.

Вызывает недоумение и формулировка задачи № 6: «дать описание текста и структуры *Loci communes*» (с. 6). Во-первых, непонятно, что значит «описание текста». Во-вторых, структура исследуемого флорилегия достаточно проста, и потому остается неясным, решению какой научной проблемы соответствует данная задача.

3. Среди задач исследования не указаны, по крайней мере, две, без решения которых достижение цели исследования не представляется возможным. Во-первых, необходимо определить степень включенности данного памятника в культурную жизнь византийцев рассматриваемого периода. Утверждать, что памятник «объективным и представительным образом концентрирует в себе мировоззрение и ценностные ориентиры православных византийцев», невозможно без

убедительных доказательств того, что это произведение было широко распространено и популярно. В диссертации этому вопросу не уделен даже специальный параграф, лишь несколько раз в разных местах работы автор вскользь касается этого важнейшего вопроса. Во-вторых, как можно «выявить характерные черты византийского мировосприятия» на основе одного литературного памятника, не имея хотя бы самых общих представлений о мировоззрении византийцев данной эпохи, об основных тенденциях в развитии культуры Византии этого времени? Поэтому некоторая контекстная глава, где был бы рассмотрен культурный фон, на котором происходило формирование флорилегия, просто сама напрашивается.

4. Первый параграф введения к диссертации почему-то называется «Принципы исследования» (с. 5), хотя во всем параграфе ни единого слова ни о каких принципах не сказано.

5. Некорректно сформулирована тема диссертации. Тема диссертации всегда есть тема некоторого исследования, поэтому она сама не может определяться через понятие «исследование». Нельзя утверждать, что «темой данной работы является исследование» (с. 5).

6. Объект и предмет исследования внеположены друг другу. В качестве объекта выбирается сам флорилегий, то есть текст, а предметом — учение (с. 5).

7. В параграфе «Методология исследования» (с. 6) диссертант не указывает такие методы исследования, как, например, сравнительный анализ, статистический анализ, экземплификация, герменевтика, которыми сам же и пользуется в работе. Это свидетельствует о недостаточном знакомстве диссертанта с методологией современного научного исследования.

Выражение «богословский анализ» требует расшифровки. Что здесь имеется в виду: методы библейской, патристической, церковно-исторической герменевтики или что-то иное?

8. В параграфе «Структура диссертации» утверждается, что во введении «обосновывается тема» (с. 6). По всей видимости, имеется в виду актуальность темы исследования, однако нигде во введении такое обоснование не представлено.

9. Из тезисов, выносимых на защиту, тезисы № 2 и 3 (с. 7) представляются самоочевидными и ни в какой защите не нуждающимися.

10. К сожалению, во введении к работе отсутствует раздел «Научная новизна исследования и основные результаты, полученные лично соискателем», что затрудняет объективную оценку диссертации.

К общим недостаткам работы можно отнести то, что некоторые разделы выглядят излишне растянутыми и перенасыщенными второстепенной информацией, например, автор честно признается, что научная литература XVI–XIX вв. была ему недоступна, поэтому историографический обзор этого периода приводится по работе М. Н. Сперанского (с. 9). Далее, на с. 9–20 приводится пересказ работы М. Н. Сперанского. Совершенно непонятно, зачем так подробно в хронологической последовательности излагать историю исследования памятника, когда вполне можно было бы ограничиться краткой характеристикой степени научной разработанности темы на конец XIX в., а затем перейти к рассмотрению последующих исследований, которые были доступны диссертанту. Аналогично на с. 77–87 приводится «ретроспективный обзор изданий этого произведения» (с. 78), который дается полностью по работе Сивиллы Им. Сколь бы существенными, с точки зрения автора, ни были сведения, содержащиеся в этих исследованиях, тем не менее следует заметить, что диссертационное исследование не должно подменяться простым реферированием.

Не вполне ясно, с какой целью в первой главе в качестве отдельных параграфов помещены: а) список языческих и христианских авторов, речения которых содержатся в флорилегии (с. 43–51); б) краткая характеристика каждой из 71-й главы сборника. Несомненно, приводимая здесь информация небезынтересна, однако представляется, что работа только выиграла бы, если бы эти параграфы были перенесены в приложения, тем более что, с точки зрения объема, работа явно превосходит требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям.

В работе имеют место неоправданные повторения. Так, первая глава отчасти повторяет параграф 3 введения, а заключительный параграф второй главы «Итоги духовно-нравственного учения флорилегия “Богословские главы”» отчасти дублирует предшествующие параграфы этой главы.

Во второй главе проявляется один из главных недостатков работы: анализ в значительной степени подменяется пересказом содержания и необоснованно пространным цитированием.

В тексте диссертации встречаются стилистические неточности. Кроме того, диссертант имеет весьма приблизительные представления о правилах пунктуации. Оформление сносок на используемую литературу не вполне соответствует принятым в отечественной науке нормам. Список источников и используемой литературы не следует называть библиографией (с. 7, 238) — это разные вещи.

Работа П. К. Доброцветова не свободна и от некоторых частных погрешностей. Например, на с. 107 сказано: «Мы не найдем там (во флорилегии — *О. Д.*) не только христианской триадологии, но и в развернутом виде того, что принято называть “учением о Боге в Самом Себе”, то есть учением о Божественных свойствах». Однако такое противопоставление триадологии учению о Боге в Самом Себе ничем не оправдано, поскольку учение о Боге в Самом Себе традиционно включает в себя и триадологическое учение. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть учебник православно-догматического богословия архиеп. Макария (Булгакова), где отдел 1. «О Боге в Самом Себе» включает в себя две главы: главу 1. «О Боге, едином в существе», в которой излагается и учение о Божественных свойствах; и главу 2. «О Боге, троичном в Лицах».

Неудачным следует признать выражение «“метафизические” характеристики Бога» (с. 108), даже несмотря на то, что слово «метафизические» заключено в кавычки.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что кандидатская работа П. К. Доброцветова как вполне самостоятельное научное исследование, к сожалению, не состоялась. Представляется, что главная причина этого заключается в том, что диссертанту не удалось четко сформулировать научную проблему исследования и, как следствие, правильно выбрать его цель и сформулировать задачи.

Тем не менее работа представляет немалый интерес, поскольку автору удалось собрать значительный материал, систематизировать его и отчасти проанализировать. При определенной доработке диссертацию легко можно «превратить» во вполне добротную обзорную статью по

теме исследования, поэтому, хотя настоящая работа и не превышает среднего уровня, тем не менее она свидетельствует о наличии у диссертанта научного потенциала, обещающего появление в будущем работ, этот уровень превышающих.

Несмотря на выше отмеченные недостатки, кандидатская диссертация П. К. Доброцветова заслуживает общей положительной оценки, а сам диссертант искомой степени кандидата богословия.

3.1 ОТЗЫВ преподавателя протоиерея Александра ЗАДОРНОВА на кандидатскую диссертацию Д. В. САФОНОВА по кафедре Церковной истории на тему: «Высшее управление Русской Православной Церкви в 1921–1925 гг. в контексте государственно-церковных отношений»

Русская церковная история 20-х гг. прошлого века — тема, еще весьма далекая от той степени фактической разработанности, когда историку остается быть только интерпретатором хорошо известных событий. Постоянная публикация новых архивных материалов делает невозможной «окончательное» написание всей картины в ее полноте.

Представленная работа своей самой сильной стороной имеет именно это обращение к архивам. Прежде всего это дело патриарха Тихона из Центрального архива ФСБ (дело Н-1780), описание которого дано на с. 17–22 работы.

Достоинства работы очевидны, и о них еще, несомненно, скажут коллеги диссертанта. Обязанность оппонента заставляет отметить отдельные недочеты текста.

Работа нуждается во внимательной корректорской правке, в тексте встречаются ошибки набора, повторяющиеся слова и целые предложения (например, на с. 26 «Принцип историзма...»). Для читательского удобства при выводе текста на принтер каждый подраздел стоит начинать с новой страницы. Не всегда полностью дается наименование исторического лица («Патриарх Алексей» на с. 5 и «Петр» на с. 28 вместо «патриарх Алексей II» и «император Петр I»). То же касается и епископской титулатуры; стоило бы указать в каждом случае и фами-

лию упоминаемого лица в монашеском чине, особенно при совпадении имен архиереев.

Встречаются неудачные стилистические обороты, например: «Были ликвидированы все определенные Собором 1917—1918 гг. формы Высшего церковного управления, включая Патриарха, который был изолирован в больнице» (с. 253).

Хотелось бы высказать несколько методологических замечаний, относящихся не столько к настоящей работе, сколько к изучению церковной жизни первой четверти XX века вообще.

Работа оставляет в стороне несколько важных вопросов, ответ на которые необходим для той самой полноты интерпретации, о которой говорилось ранее. Эти вопросы обращены не столько к содержательной стороне работы, сколько к дальнейшему осмыслению фактического материала, в ней представленного.

1. На каких канонических основаниях (законодательных и прецедентных) покоился сам принцип чередования местоблюстительства высшей церковной власти, учитывая, что такое чередование в виде наследования епископской кафедры строго запрещено церковными канонами? Как интерпретировалась современниками данная ситуация?

2. Делались ли какие-то попытки легитимировать практики единоличного назначения Патриархом (взамен выборности) членов Синода и ВЦС с июня 1921 года (по окончании полномочий прежнего состава, соборно избранного на Соборе 1917—1918 гг.)?

3. Общий недостаток всех работ, посвященных высшему церковному управлению, как с чисто исторической, так и с канонической точек зрения, — изложение истории этого управления как истории формирования и переформирования структуры этого управления, состава его органов, изменений состава и т. д. Крайне мало (практически их нет — на специальном уровне) работ, посвященных не истории органов высшего церковного управления, а анализу самой деятельности этих органов, в том числе законотворчеству и его практическому осуществлению, системе обратной связи между высшим и епархиальным (даже приходским!) управлениями, анализу вертикальной мобильности в системе высшего управления и т. д.

Разумеется, проделана огромная и необходимая работа по сбору материала для подобного исследования и хотелось бы видеть в ближайшее время работы, посвященные именно такому анализу.

Представленная работа Д. В. Сафонова дает надежду на его скорое появление и заслуживает присвоения искомой степени кандидата богословия.

3.2 ОТЗЫВ профессора О. Ю. ВАСИЛЬЕВОЙ на кандидатскую диссертацию Д. В. САФОНОВА по кафедре Церковной истории на тему: «Высшее управление Русской Православной Церкви в 1921–1925 гг. в контексте государственно-церковных отношений»

Актуальность заявленной темы бесспорна. 31 марта 2009 г. состоялось не просто очередное заседание Священного Синода. В этот день Синод принял первые решения, обозначившие принципиально новый вектор в развитии церковного управления. Святейший Патриарх Кирилл приступил к проведению глубокой церковно-административной реформы.

В этой связи и в Церкви, и в обществе повысился интерес к проблемам, связанным с высшим церковным управлением в Русской Православной Церкви, к роли и месту в ней Патриарха. Данная работа не только восстанавливает и реконструирует историю органов ВЦУ в 1921–1925 гг., принципы работы которого на сегодняшний день изучены недостаточно, но и дает обширный материал для осмысления сегодняшней деятельности органов высшего церковного управления в Русской Православной Церкви.

Автор прекрасно знает современную историографию проблемы. Он прав, подчеркивая, что среди множества статей и монографий проблемы, связанные с деятельностью и составом органов ВЦУ, привлекали внимание небольшого круга исследователей. Хочу отметить научную этику автора: он упомянул имена всех предшественников и современников, писавших и пишущих о служении Патриарха Тихона, Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), митрополита Сергия (Страгородского). Он подчеркнул особое значение трудов сотрудни-

ков ПСТГУ в изучении данной проблемы. Такое отношение к коллегам, к сожалению, сейчас встречается крайне редко.

Источниковая база, на которую опирается автор при написании диссертационного исследования, значительна и обширна: РГАСПИ, ГАРФ, ЦА ФСБ, РГИА, ЦИАМ — всего около 80-ти архивных дел. Стремление к всестороннему изучению сложной и многогранной темы обусловило привлечение такого широкого круга источников. Особо важным для изучения стало дело Патриарха Тихона, составляющее 28 томов. Многие материалы дела не были введены в научный оборот ранее, их анализ позволил автору по-новому оценить многие аспекты изучаемой темы. Состав документов, входящих в следственное дело, очень разнообразен. Документы создавались и церковными, и советскими структурами. Одни происходили из Патриаршей Церкви, другие — из среды обновленцев. Важно другое: в ходе проверки дела в 1935 г. было выявлено, что ряд подлинников утерян и заменен копиями. Исследователи вынуждены работать с копиями. К сожалению, и в наши дни не все исследователи могут работать с Фондом Патриарха Тихона, хранящимся в архиве Московской Патриархии. На наш взгляд, его доступность помогла бы историкам в уточнении многих спорных моментов. Будучи источниковедом и архивистом по первому образованию, диссертант уделяет особое внимание выявлению архивных документов, тщательному проведению анализа и сопоставлению источников.

Цель и задачи исследования не вызывают сомнений. Они же определили и структуру работы, состоящей из введения, шести глав, заключения, списка источников и литературы. Общий объем диссертации составляет 291 страницу. Не вдаваясь в анализ каждой из глав, отметим самые, на наш взгляд, интересные. Глава III «Патриарх и временный Священный Синод в июле 1923 — апреле 1924 г.» (параграфы: «Освобождение Патриарха Тихона», «Полномочия Патриарха и временного Священного Синода в июле — ноябре 1923 г.», «Попытки использовать членов Синода для удаления Патриарха от управления Церковью (сентябрь — октябрь 1923 г.)», «Вопрос о новом стиле в деятельности Священного Синода», «Прекращение деятельности Па-

триаршего Синода», «Возобновление деятельности Священного Синода (декабрь 1923 г. — март 1924 г.)», «Попытка легализации Священного Синода и воссоздания ВЦС»). Особенно ценным представляется анализ взаимоотношений Патриарха Тихона с так называемым Даниловским Синодом и его главой — архиепископом Феодором (Поздеевским). Опираясь на архивные документы, диссертант выявляет роль, которую играли «даниловцы» в принятии решений Патриархом Тихоном. Очень актуальным представляется подробное исследование вопроса, связанного с решением Патриаршего Синода о введении нового стиля в октябре 1923 г. и его отмене. Диссертант показал важную роль архиепископа Илариона (Троицкого) в том, что в рамках «политики лавирования», которую проводил Патриарх Тихон, удалось убедить Церковь от навязываемого ей нового стиля.

В 4 главе Д. В. Сафонов анализирует период единоличного управления Церковью Патриархом Тихоном в июне 1924 — апреле 1925 гг. Автор убедительно показывает, что Патриарх Тихон, не имея возможности воссоздать органы ВЦУ, пытался опереться в управлении Церковью на мнение епископата, ища возможность созыва Архиерейского Собора. Проблема, которую выявил диссертант, состояла в том, что власти в лице ОГПУ, зная об этом желании Патриарха, пытались навязать ему коллегиальные органы церковного управления из подобранных ими архиереев.

Очень информативны и две последние главы (5-я и 6-я), посвященные периоду Местоблюстительства митрополита Петра. К изучению этого исторического отрезка времени специально никто из коллег, за исключением священника А. Мазырина, ранее не обращался. Автор впервые воссоздал, практически понедельно, то, как митрополит Петр управлял Церковью, обосновав ряд важных и новых выводов, среди которых важнейшим является следующий: митрополит Петр не считал свои полномочия достаточными для наложения канонических прещений и назначения и смещения правящих архиереев, а это принципиально важно при анализе того, как осуществлял церковное управление митрополит Сергей, ставший преемником митрополита Петра. Диссертант анализирует то, какие органы пытался создать митрополит Петр для

церковного управления в Москве, подробно представляет меры против обновленцев, исследует причины и последствия сближения митрополита Петра с «даниловцами».

Уникальность исследования состоит в том, что автор смог в результате скрупулезных исследований почти во всей полноте воссоздать и проанализировать тему, которая лишь в общих контурах, с ошибками и неточностями была намечена исследователями ранее, — тему функционирования как формальных органов ВЦУ, так и неформально существовавших в РПЦ механизмов, с помощью которых удалось вести церковный корабль в беспрецедентных условиях, когда вся мощь государства была направлена на его компрометацию, разрушение и разделение.

Автор избежал соблазна повторить в диссертационном исследовании материалы и выводы диссертации кандидата исторических наук, защищенной им в январе 2004 г. и посвященной преследованию Патриарха Тихона советскими властями. Хотя некоторые выводы и упомянуты в работе. В частности, диссертант упоминает о неподлинности «Завещательного послания» Патриарха Тихона, о чем имелась специальная глава в диссертации 2004 г. При этом сама доказательная база не воспроизводится. Кстати, многие исследователи, в частности ученые из ПСТГУ, сочли доказательную базу автора исчерпывающей и считают доказанным факт отказа Патриарха подписывать этот документ. Мы уверены, что большинство положений, которые впервые обосновывает Д. В. Сафонов в оцениваемой нами диссертации, также будут признаны научным сообществом аксиоматическими, во всяком случае об этом позволяет говорить глубина исследования, привлечение всего возможного на сегодняшний день спектра источников и научная обоснованность работы. Таким образом, автор опирается на некоторые положения своей диссертации 2004 года, избегая текстуальных повторов, хотя требования ВАК и позволяют в новой диссертации повторить текст предыдущей в пределах 33 %. Различны и темы этих работ: в диссертации 2004 г. автор говорил в основном о деятельности советских органов, стремившихся скомпрометировать, осудить Патриарха Тихона; в нынешней, принципиально иной работе в центре внимания

автора внутрицерковная, во многом каноническая проблематика, которая, на наш взгляд, вполне соответствует церковной специализации, полученной диссертантом в стенах Московской духовной академии. Кроме того, период с 1917 по 1921 год, а также с апреля по декабрь 1925 года вообще не затрагивался в предыдущем диссертационном исследовании.

Диссертация вводит в научный оборот целый ряд новых документов, что само по себе является безусловной заслугой соискателя и является важным моментом для дальнейших исследований в этой области.

Следует особо отметить основные научные результаты, впервые полученные в ходе исследования:

- выявлен персональный состав органов ВЦУ, прежде всего Синода в 1921—1925 гг.;
- определена роль митрополита Сергия (Страгородского) в деятельности органов ВЦУ, выявлена его позиция по вопросу о принципах высшего церковного управления в рассматриваемый период;
- определены имевшиеся различия в подходах, связанные с организацией органов ВЦУ, между Патриархом Тихоном, с одной стороны, и рядом архиереев (митр. Сергий, архиеп. Феодор и др.) — с другой;
- выявлен состав ВЦС в 1922 году — в последний год существования этого органа;
- выделены и обоснованы хронологические периоды функционирования высшего церковного управления;
- выявлены и проанализированы формы и методы деятельности ОГПУ, направленные на разрушение канонического порядка церковного управления;
- определена позиция Патриарха Тихона в вопросе о разграничении полномочий Патриарха и коллегиальных органов церковного управления;
- определены и проанализированы организационные формы принятия решений Патриархом и коллегиальными органами ВЦУ;
- рассмотрено изменение роли Патриарха Тихона в органах ВЦУ и причины этих изменений;

- рассмотрены попытки властей, с помощью формирования Синода из отобранных архиереев, добиться ограничения полномочий Патриарха или его устранения от церковного управления;
- установлено, что митрополит Петр считал свои полномочия меньшими, чем Патриаршие;
- установлено, что Патриарх Тихон в меру, которую позволяли обстоятельства того времени, стремился выполнять решения Собора 1917—1918 гг., установившего органы ВЦУ в Церкви;
- выявлены и проанализированы новые документы, связанные с деятельностью органов ВЦУ в рассматриваемый период.

Важным выводом диссертанта является то, что в сознании и Патриарха Тихона, и митрополита Петра решения Собора 1917—1918 гг. об установлении соборных по своему принципу органов ВЦУ являлись принципиально важными. Нежелание Патриарха в ряде случаев формировать новый состав органов ВЦУ было связано не с отказом от этих решений, а с навязанным ОГПУ составом этих органов. Автору удалось определить «тихоновскую» меру в соотношении единоначалия и коллегиальности в вопросах церковного управления, что нельзя не признать актуальным для нашего времени.

Как любое самостоятельное исследование, диссертация Д. В. Сафонова не лишена отдельных недостатков, поэтому выскажем ряд замечаний:

- в тексте встречаются смысловые повторы;
- ряд абзацев нуждается в литературной редакции;
- полагаем, что первая глава могла быть менее обширной по объему, это вряд ли повредило бы работе, из которой был бы исключен текст, не входящий в заявленные хронологические рамки;
- некоторые высказанные автором предположения, возможно, могли бы быть более обоснованными;
- нуждается в более детальной проработке позиция митрополита Сергия в вопросах о принципах церковного управления;
- выявленных документов, характеризующих управление Церковью митрополитом Петром, гораздо меньше, чем относящихся ко времени Патриаршества свт. Тихона, даже учитывая разные сроки их деятельности по возглавлению Церковью.

Думается, что имеющиеся в диссертационном исследовании отдельные недочеты не носят принципиального характера, объясняются сложностью, противоречивостью, дискуссионностью и недостаточным исследованием многих аспектов проблемы, рассматриваемой в диссертации.

Оценивая диссертацию Д. В. Сафонова, можно сказать, что автор реализовал поставленные перед собой задачи, показал глубокое знание проблемы, привлек многообразный документальный материал и впервые ввел в научный оборот ряд документов, извлеченных им из архивов, провел их глубокий источниковедческий разбор, выдвинул ряд интересных и перспективных научных гипотез, сформулировал и обосновал научные выводы — все это, безусловно, может рассматриваться в качестве его самостоятельного вклада в отечественную церковно-историческую науку. Автор показал себя сформировавшимся исследователем.

Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Основные положения и выводы диссертации опубликованы более чем в 20-ти обширных статьях, в основном в ведущих богословских изданиях Церкви: в «Богословском вестнике» (более 5 авт. листов), на научно-богословском портале Богослов.ру (1 авт. лист) и других.

Диссертационная работа «Высшее управление Русской Православной Церкви в 1921—1925 гг. в контексте государственно-церковных отношений» не только соответствует требованиям ВАК РФ, предъявляемым к кандидатским диссертациям, но и в определенной мере приближается к требованиям на соискание докторской степени, поэтому полагаем, что Сафонов Дмитрий Владимирович, безусловно, заслуживает присвоения ученой степени кандидата богословия.

4.1 ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на кандидатскую диссертацию студента 3 курса МДА Алексея ЖАМКОВА по кафедре Церковной истории на тему: «Русская Православная Церковь и Советское государство: 1943–1991 гг. (история взаимоотношений на материалах Вологодской епархии)»

Рецензируемая кандидатская диссертация, объемом 209 страниц вместе с приложениями, состоит из введения, трех глав («Новый церковный курс: 1943–1953 гг.», «Епархия в 1953–1979 гг.», «Вологодская епархия в эпоху перемен»), разделенных на параграфы, и заключения. Список использованных источников (архивных документов) не пронумерован, но исключительно обширен. Список литературы по теме диссертации включает 67 названий книг и статей. В рецензируемой работе помещено 10 приложений разнообразного содержания.

Главное достоинство диссертации в том, что она написана вполне самостоятельно (по крайней мере, это относится к вологодской тематике) и построена на документальной оценке. Условно говоря, ее автор ввел в научный оборот массу новых архивных документов. В обзоре основных событий истории Русской Церкви в выбранную им эпоху он опирается на труды предшественников, заимствует их наблюдения, оценки и характеристики. В отдельных случаях сюжеты большой церковной истории и региональной, епархиальной связываются несколько механически, но это едва ли можно считать существенным недостатком.

История церковно-государственных взаимоотношений на материале Вологодской епархии представлена достаточно полно. Правда, ввиду того что автор располагал по преимуществу теми архивными документами, которые выходили из канцелярии уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (затем — по делам религий), в работе наблюдается известная диспропорция, не хватает материалов, характеризующих взгляд на эти взаимоотношения изнутри Церкви. Но вины диссертанта здесь фактически нет, поскольку церковные архивы скудны, а за обозреваемый им период еще и малодоступны.

В целом диссертация производит благоприятное впечатление, поэтому уместно в отзыве сосредоточиться на ее недостатках.

Вызывает некоторое недоумение предлагаемая в ней периодизация: 1943–1953, 1953–1979, 1980–1991. Относительно крайних дат во-

просов нет, но границы среднего периода выбраны не лучшим образом. В 1953 г. умер Сталин. Это, конечно, дата. Но что произошло в 1979 или 1980 гг.? Ничего важного, рубежного ни в политической, ни в церковной истории. Правда, на Вологодскую кафедру был назначен новый архиерей — архиепископ Михаил (Мудьюгин), но в периодизации должен быть единый принцип — она может быть основана либо на эпохах в жизни всей Русской Церкви, либо на местных переменах, но лучше, чтобы на чем-то одном. Во всяком случае при распределении материала по главам выпал период хрущевских гонений. Он, разумеется, отражен в диссертации, но не выделен. Надо сказать, что сам автор в заключении предлагает другую и более обоснованную периодизацию: 1943—1948, 1948—1961, 1961—1988, 1988—1991. Но хрущевские гонения не выделены и в этом варианте.

Вероятно, что с периодизацией, выбранной не наилучшим образом, связано то, что автор не раз в изложении материала делает не сразу понятные отступления от хронологического порядка. Так, на с. 62, с которой начинается глава, относящаяся к эпохе 1953—1976 гг., встречаем изложение событий, относящихся к 1950 и к 1949 гг. А дело в том, что они иллюстрируют общие положения из характеристики начинавшейся эпохи, прямым образом применимые либо к хрущевским гонениям, либо к ужесточению давления на Церковь в 1948 г., но не к ситуации, сложившейся сразу после смерти Сталина. Затем в этой же главе приводится эпизод из 1944 г. (с. 65).

Еще одно замечание, относящееся к диссертации в целом: автор, цитируя документы, вышедшие из архива уполномоченного, и в других местах пересказывая их, нередко и в пересказе воспроизводит их стилистику, а порой даже и содержащиеся в них оценки, неприемлемые или даже нелепые с церковной точки зрения, воспроизводятся диссертантом без кавычек, чего делать не следовало бы — придираясь, эти оценки можно усвоить самому диссертанту, что было бы, конечно, неверно фактически, например: «Хуже того, вне сферы контроля уполномоченного оставалось 17 бесцерковных районов» (с. 112). Плохо то, что эти районы были «бесцерковными», но едва ли автор действительно сожалеет, что религиозную жизнь в них не контролировал уполномо-

моченный. Или: «В организации научно-атеистического воспитания школьников имелись серьезные недостатки» — уже правомерность самого словосочетания «научно-атеистическое» вызывает сомнение, не говоря уже о том, что наш взгляд на такие недостатки противоположен позиции советских инстанций. На с. 118 автор рассказывает о том, как на одну сотрудницу возложили обязанность информировать соответствующие учреждения власти о содержании проповедей в церквях, а она стала передавать их содержание с использованием характерно церковной лексики. Иронизируя, можно заметить, что и автор диссертации в передаче содержания используемых им документов не всегда вовремя переключал регистр.

Еще одно замечание уже не вполне критического значения. Автор диссертации не до конца дает себе отчет в разном информативном качестве всякого рода отчетов, которые шли от уполномоченных наверх, с одной стороны, в сталинскую и хрущевскую эпоху, а с другой — в брежневскую. В более ранний период чиновники головой или должностью отвечали за дезинформацию, за недостоверное представление действительного положения вещей, хотя, конечно, искушение представить собственные успехи в приукрашенном виде у чиновников бывает всегда, но брежневский период отличался тем, что благоприятная дезинформация всячески поощрялась, а за огорчительные сведения вестников наказывали. Оттого всё и развалилось скоро. В силу этого следует по-разному оценивать и достоверность содержащихся в документах Совета сведений о требах и иных проявлениях церковной жизни при Сталине и Хрущеве, когда число их, как правило, не преуменьшали, и при Брежневе, когда их брали с потолка и так, чтобы непременно в следующем году они были, к удовольствию, да и то бумажному, а не действительному, высшего начальства, ниже, чем в предыдущем.

Еще ряд частных замечаний по тексту диссертации.

В 10 примечании на с. 6 написано, что оценки Архиерейского Собора 1961 г. архиепископом Василием (Кривошеиным) и Д. В. Поспеловским совпадали. Это не совсем так. При всей критичности отношения к решениям этого Собора, в том числе и с канонической точки зрения, архиепископа Василия, он все же, как архиерей Московского

Патриархата, не доходил до принципиального отвержения его правомочности.

На с. 8 приводятся статистические данные, характеризующие состояние Вологодской епархии. Видно, что это относится к предреволюционному времени, но год не указан.

Первый председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Карпов назван полковником, но не уточняется, что в связи с этим назначением он был произведен в генерал-майоры.

На с. 29 есть фраза: «Сталин представил главам поместных церквей Русскую Церковь во внешней красе». Это относится к Советанию 1948 г. Здесь все не так. Сталин дирижировал событиями до известной степени, но не «представлял Русскую Церковь» главам других Церквей — представлял Патриарх Алексий I. И какая краса в 1948 г., когда все почти было разрушено!

На той же странице упомянуто 9 семинарий. Их было 8.

На с. 29 Сталин назван «отцом народов». У него не было такого титула. Если это ирония, то тут штамп, который не смешит.

На с. 40 епископ Гавриил (Огородников) назван «наиболее авторитетным и уважаемым архиереем» второй половины XX века. Слово «наиболее» — явное преувеличение.

На с. 54 1952 г. назван кануном «хрущевской оттепели». Если «оттепель» в собственном смысле слова, как это тогда называли, то это были 1953—1954 гг. — и она была не хрущевской, а маленковской. Это близко к 1952 г., но в 1952 г. свирепствовал мороз. Если же под «хрущевской оттепелью» подразумевается происходившее на рубеже 50-х — 60-х гг. (позднейший публицистический штамп с хронологическим переносом), то 1952 г. для этого времени не канун.

На с. 56 указание Сталина «не заглядывать в церковный карман» неправильно интерпретируется как запрет финансового контроля церковной деятельности. Он всегда имел место. Речь шла, скорее, о личных карманах клириков.

На с. 57, по поводу приведенной на предыдущей странице таблицы, отражающей динамику церковных доходов, сказано, что «рост благосостояния Церкви в них освещен однобоко; не отражены расходы

епархии». Но расходы принципиально равны доходам, за исключением остатков по истекшему году. Извлекать прибыль (доходы минус расходы) Церковь, естественно, не может. Иначе это было бы предпринимательством.

На с. 63–64 говорится, что в 1953 г. Совет «из органа, регулирующего отношения Церкви и государства, превратился в орган надзора». Он, конечно, на основании служебных инструкций с самого начала был органом надзора и контроля, так что фактически меняться могла лишь степень интенсивности этого контроля.

На с. 72–76 речь идет о хрущевской кампании закрытия церквей, а приведенные на с. 76 статистические данные относятся к периоду до 1957 г.

На с. 77 крещение на дому характеризуется как конспиративное. Явное преувеличение.

На с. 117 говорится: «Чтобы снизить возможность санкций, родители (имеется в виду крещаемых детей — В. Ц.) показывали иногда заграничные паспорта». И затем приводится подобный случай. Думаю, что он был уникальным. Откуда в 70-е гг. заграничные паспорта у жителей Вологодской области? При разовых выездах за границу такие паспорта уничтожались сразу после поездки. Но, конечно, поражает наивность упомянутых родителей. Они всерьез думали, что по заграничному паспорту, где не указана прописка, их уже не найти?! Диссертанту, рассказавшему действительно интересный случай, не следовало его типизировать.

На с. 149 написано, что, несмотря на инициативу Союзного совета об образовании республиканских аналогов, они не появились. Но они появились, и автор рассказывает далее об образовании и деятельности такого Совета в Российской Федерации. Может быть, имеется в виду, что не появились сразу, в 1985 г., когда возникла идея.

На с. 157 сказано, что и после принятия «Устава» 1988 г. старостами были оставлены миряне, и автор в этом находит влияние прежнего законодательства и решений Собора 1961 г. Это не так. Ни прежнее законодательство, ни Архиерейский Собор 1961 г. не имеют прямого отношения к этому. Вероятно, дело в том, что некоторые или многие

правлящие архиереи в 1990-е и 2000-е гг. для контроля за приходской жизнью находили более удобной ситуацию, когда настоятель и председатель приходского совета (староста) были разными людьми.

Заключительные фразы слишком пафосны для диссертации с ее жанровой стилистикой.

Работа написана приемлемым языком, но в ней есть стилистические шероховатости, опечатки.

Содержащиеся в отзыве критические замечания не меняют общей оценки работы диссертанта как вполне заслуживающей присвоения ее автору степени кандидата богословия.

4.2 Отзыв доцента ПСТГУ А. А. КОСТРЮКОВА на кандидатскую диссертацию студента 3 курса МДА Алексея ЖАМКОВА по кафедре Церковной истории на тему: «Русская Православная Церковь и Советское государство: 1943–1991 гг. (история взаимоотношений на материалах Вологодской епархии)»

Диссертационное исследование А. П. Жамкова посвящено теме, имеющей научный и практический интерес. С одной стороны, уже имеются исследования, которые характеризуют отношения государства и Церкви в целом. Но, с другой стороны, эти отношения на местах освещены недостаточно. И каждое сочинение, которое касается ситуации в том или ином регионе страны, привлекает к себе внимание, тем более когда сочинение написано на основании архивных материалов. Именно из таких сочинений и складывается общая картина того, в каком положении оказалась Православная Церковь, тем более интересны такие сочинения, когда епархия попадает в поле зрения исследователя впервые.

Хронологические рамки диссертации вполне оправданны — это время существования «советской обер-прокуратуры». Начальный пункт исторического исследования, 1943 год, — создание Совета по делам Русской Православной Церкви. Конечный пункт исследования, 1991 год, — упразднение Совета по делам религий.

Важной заслугой автора является его стремление показать ситуацию такой, какая она была на самом деле. Автор абсолютно правильно заме-

чает, что церковная историография часто обходит «острые углы» (с. 4). К сказанному автором следует добавить, что такой подход приводит к появлению сочинений, служащих почвой для самых разнообразных мифов. И именно эти мифы, а не серьезные исторические исследования формируют представление об истории нашего Отечества и об истории Церкви. Сам А. П. Жамков, как это видно из исследования, постарался эти «острые углы» не обходить.

Один из распространенных мифов заключается в том, что ослабление гонений на Церковь в 1943 г. стало плодом некоего внутреннего перерождения богоборческого государства. Понятно, что любое серьезное исследование опровергает этот миф. И автор диссертации лишней раз подтвердил это на примере Вологодской епархии.

В диссертации приводятся интересные и важные сведения о том, с каким трудом православные христиане добивались в этот период открытия новых храмов (с. 22). Автору удалось показать, что государство, внешне меняя политику в отношении Церкви, по существу оставалось антихристианским. И даже открывая храмы, высшая власть, не говоря уже о местной, прекрасно знала, что в скором времени она снова начнет храмы закрывать (с. 23–24). Приводимые автором отчеты уполномоченного И. М. Игнатова показывают, что Церковь для этих деятелей продолжала оставаться враждебной организацией (с. 45).

Представляется весьма интересным замечание автора диссертации о том, что возобновление давления на Церковь было в 1949 г. таким резким, что в него многие даже не верили (с. 30).

Интересны и важны сведения, относящиеся к периоду хрущевских гонений. Автор отмечает, что борьба с Церковью подавалась на тот момент, в частности, как борьба со сталинским наследием (с. 75–76).

Автору удалось затронуть еще одну проблему — проблему появления в Вологодской области священников, непонятно кем и когда поставленных, непонятно, какую церковную юрисдикцию признающих, а также проблему появления самозванцев, выдающих себя за священнослужителей (с. 53). Эта проблема актуальна до сих пор, когда существует немало организаций, выдающих себя за наследников дореволюционной «неповрежденной» Церкви.

Работа представляется весьма важной еще по одной причине. В настоящее время распространено мнение, что «катакомбными» были только священнослужители, оппозиционные Московской Патриархии, в то время как Московская Патриархия была прислужницей властей. То, что это было не так, в настоящее время показано исследователями, например, А. Л. Бегловым. Автор диссертации вносит свой вклад и в эту область исследований. В диссертации, приводятся, например, данные о священнослужителях Московского Патриархата, которые тайно, можно сказать, «в катакомбах» совершали богослужения. Священники служили в частных домах и претерпевали за это гонения (с. 78).

О таких гонениях автором также сказано немало. Священники могли лишиться прихода за то, что крестили детей в деревнях, старосты увольнялись за то, что в храмах крестили детей без согласия родителей (с. 77). Все это вело к тому, что стали появляться подставные лица в качестве родителей, совершались требы без квитанций, некоторые требы совершали старухи-«церковницы» (с. 77).

Священник и староста могли потерять место за реставрацию фресок (с. 77–78), в адрес священнослужителя были нарекания за то, что он ходил на службу в рясе (с. 79). Храм можно было закрыть по причине несоответствия нормам противопожарной безопасности, например, из-за того что на путях эвакуации стоят подсвечники, что в алтаре «столы и ризы» не пропитаны несгораемым веществом и т.д. (с. 81).

При этом автор отмечает, что если паства активно поддерживала священника, то власти могли отказаться от некоторых непопулярных мер (с. 79).

Диссертант не пытается представить всех священников и приходских работников как исповедников. Он показывает, что приходы делились на две группы: где духовенство полностью устранилось от приходской жизни и где духовенство влияло на административно-хозяйственную жизнь прихода (с. 79). Говорится в работе и о том, как власти влияли на Церковь через старост, казначеев и проч. (с. 79).

Отличительной чертой государственной политики в отношении Церкви было постоянное перемещение архиереев. Из-за этих перемещений бывает сложно составить их жизнеописание. У некоторых

иерархов жизнь была связана с Вологодской епархией. Здесь служили довольно известные иерархи: Павел (Гольшев), Гавриил (Огородников), Михаил (Чуб) и другие. Вологодский период служения этих архиереев был рассмотрен автором диссертации, и в случае написания работ об этих архиереях диссертация А. П. Жамкова будет незаменимой.

Автор диссертации привел множество важных документов, некоторые из них впервые ввел в научный оборот, что, конечно же, принесет большую пользу церковно-исторической науке.

Уважение к автору как к серьезному исследователю усиливается еще по одной причине. Если в изданных ранее статьях у него имелись ошибки, то он прямо говорит об этом. Это свидетельствует о том, что историческая истина для него важнее амбиций, а также о том, что он находится в поиске, ищет, заблуждается, но в результате находит. Не все готовы в своих трудах прямо заявить о своих прошлых ошибках.

Замечания к работе не носят принципиального характера, но они все-таки есть. Так, глава 2 носит название «Епархия в 1953–1976 гг.». Однако в главе указан целый ряд событий, которые относятся к периоду Великой Отечественной войны (с. 65), к 1949 и 1950 гг. (с. 62) и их было бы лучше поместить в предыдущую главу.

Не вполне можно согласиться и с периодизацией, предложенной в работе. Вторая глава диссертации, как видно из заглавия, оканчивается 1979 годом, а третья глава отнесена к «эпохе перемен», хотя перемены начались не в начале, а в конце 1980-х гг.

Следующий пункт является даже не замечанием, а вопросом к автору. Отрезок времени с 1940-х гг. до начала хрущевских гонений выделен как один период. Но известно, что после смерти Сталина, в период борьбы между Хрущевым и Маленковым с 1953 по 1958 г. Церковь получила некоторую свободу и число храмов даже немного увеличилось. Это временное облегчение жизни Церкви было едва заметным, но все-таки было. Проявилось ли это каким-то образом на Вологодской епархии, отразили ли этот период имеющиеся документы или же на Вологодской земле незначительное ослабление гонений осталось незамеченным?

Указанные недостатки даже в малейшей мере не могут претендовать на снижение оценки этой работы. Автор диссертации заслуживает при-

суждения ему ученой степени кандидата богословия. Хочется пожелать А. П. Жамкову и дальше двигаться в принятом им направлении.

5.1 ОТЗЫВ преподавателя Г. Е. КОЛЫВАНОВА на кандидатскую диссертацию студента 3 курса МДА Никиты СИЛИНА по кафедре Церковной истории на тему: «Жизнь и деятельность митрополита Вениамина (Федченкова) в 1948–1961 гг. в контексте церковно-государственных отношений»

Данная диссертация является удачным опытом церковно-исторического исследования.

Структура кандидатской работы Никиты Силина такова:

Введение.

Глава 1. Основные этапы биографии и деятельности митрополита Вениамина (Федченкова) до 1948 года.

Годы учебы (1880–1907 гг.).

Годы служения в России (1907–1920 гг.).

Участие в Белом движении (1920 г.).

Служение в Европе (1920–1930 гг.).

Организация Трехсвятительского подворья Русской Православной Церкви во Франции (1930–1933 гг.).

Деятельность в Америке (1933–1948 гг.).

Глава 2. Служение в Рижской епархии (1948–1951 гг.).

2.1. Церковное управление и епархиальная жизнь.

2.2. Митрополит Вениамин и советская власть.

Глава 3. Служение в Ростовской епархии (1951–1955).

3.1. Церковное управление и епархиальная жизнь.

3.2. Митрополит Вениамин и советская власть.

Глава 4. Служение в Саратовской епархии (1955–1958).

4.1. Церковное управление и епархиальная жизнь.

4.2. Митрополит Вениамин и советская власть.

Заключение.

Таким образом, довольно обширная 1 глава (с. 24–75) посвящена рассмотрению жизни митрополита Вениамина до начала его архипа-

стырского служения в Советском Союзе. Это вполне оправданно, так как позволяет лучше понять личность митрополита, его мировоззрение и настроение, сложившиеся к моменту переезда в 1948 году в Советский Союз.

Главы 2–4, посвященные описанию архипастырской деятельности митрополита Вениамина на Рижской, Ростовской, Саратовской кафедрах, его взаимоотношениям с советской властью в этот период, не очень велики — всего 83 страницы (с. 76–159). Тем не менее эти страницы дают читателям диссертации много фактов, делающих исследование интересным и полезным. Можно даже сказать, что диссертация Никиты Силина является одной из наиболее интересных кандидатских работ, прочитанных мною в последние годы. Автор диссертации достаточно хорошо справился со стоявшей перед ним исследовательской задачей. Он привлек значительное количество архивных документов, впервые вводя их в научный оборот, обогащая церковно-историческую науку массой новых фактов. К сожалению, Никита Силин часто не указывает названия документов, на которые он ссылается, давая лишь общепринятые ссылки на источники. Вместе с тем автору диссертации не была чужда и аналитическая работа.

Следует указать на ряд частных ошибок и неточностей, допущенных автором диссертации.

1. На с. 8 говорится о докторской диссертации митрополита Феодосия (Процюка). Вероятно, речь идет о магистерской диссертации. В таком случае, в приведенном на странице 8 перечне авторов имя митрополита Феодосия должно быть поставлено первым.

2. На с. 22 не понятно, что имел в виду автор, когда писал со слов Г. Карпова о плодотворной деятельности митрополита Вениамина «в деле благоустройства Ростовской области».

3. На с. 33 указывается, что Вениамин (Федченков) 21 декабря 1911 года стал ректором Тверской духовной семинарии, а в конце лета 1913 года — ректором Таврической духовной семинарии. В действительности было наоборот: 21 ноября (не декабря) 1911 года Вениамин (Федченков) был назначен ректором Таврической духовной семинарии, а 26 августа 1913 года — ректором Тверской духовной семинарии.

4. На с. 39 неудачно употреблено слово «последние» по отношению к революциям 1905 года и Февральской 1917 года.

5. На с. 52 говорится: «После захвата Крыма Красной армией в ноябре 1920 г. епископ Вениамин вместе с частями Русской армии и беженцами эмигрировал в Турцию». Конечно, это было не «после захвата Крыма Красной армией», а накануне полного захвата Крыма Красной армией.

6. На с. 71 говорится: «В 1944 г. состоялся Собор епископов Русской Православной Церкви, в котором владыка Вениамин принял участие. Собор определил митрополиту Вениамину принять в каноническое общение клириков карпаторусских приходов, состоящих в ведении архиепископа Адама (Филипповского)». Речь идет о Соборе епископов Русской Православной Церкви, прошедшем 21–23 ноября 1944 года в Москве. Митрополит Вениамин участие в нем не принимал. Доклад о принятии архиепископа Адама (Филипповского) делал митрополит Николай (Ярушевич). Автор диссертации, сообщая об определении Собора 1944 года, ошибочно ссылается на страницу 7 декабрьского номера «Журнала Московской Патриархии» за 1944 год. В действительности информация, на которую он ссылается, помещена на страницах 8–9. К тому же в следующем абзаце сам автор диссертации пишет: «В начале 1945 г. после 25 лет изгнания митрополит Вениамин вновь вступил на родную землю». Соответственно, надо заключить, что в 1944 году митрополит Вениамин в Москве не был.

7. На с. 17 и 79 не поясняется, кто такой С. К. Бельшев. Лишь в дальнейшем становится ясно, что это заместитель председателя Совета по делам Русской Православной Церкви.

8. На с. 161 говорится о том, что митрополит Вениамин в Америке потрудился «над устранением недопонимания и разногласий по каноническим вопросам между Русской Православной Церковью и автокефальной Американской Православной Церковью, чем наметил первые шаги в деле соединения Церквей». Следует сказать, что при жизни митрополита Вениамина Американская автокефальная Православная Церковь еще не существовала. Была незаконная автономная церковь, получившая законную автокефалию лишь в 1970 году.

9. На с. 103 допущена явная ошибка в приводимых статистических данных по численности прихожан православных приходов в Латвии. Говорится, что в 37 приходах насчитывалось менее ста прихожан, в том числе менее 50 прихожан было в 50 приходах.

10. На с. 108 говорится о докладе от 31 января 1951 года, автором которого назван секретарь ЦК КП(б) Латвии Я. Калнберзин. В то же время в сноске справедливо указывается, что с 1940 по 1959 г. Ян Калнберзин являлся Первым секретарем ЦК КП (б) Латвии.

11. На с. 116 в тексте, возможно, пропущены два-три слова. Непонятно, кто делает вывод о причинах конфликта между митрополитом Вениамином и уполномоченным Н. Смирновым — автор диссертации или заместитель председателя Совета по делам Русской Православной Церкви К. Бельшев.

12. На странице 131 тавтология: «количество перемещений составляло огромное количество».

13. На с. 142 неудачным представляется выражение: «по указанию М. Шкаровского».

14. На с. 143 говорится о том, что митрополит Вениамин пытался разрешить проблему нехватки кадров священнослужителей в Ростовской епархии, в частности, путем «принятия священнослужителей из других областей РСФСР». Однако на с. 127–128 автор диссертации сообщает, что при митрополите Вениамине на служение в Ростовскую епархию пребывали священнослужители Черновицкой и Ровенской областей Украины.

15. На странице 149 говорится, что «в 1957 году Русская Церковь продолжала укрепляться в Саратовской епархии», и далее, через предложение: «в связи с ликвидацией Балашовской области количество церквей увеличилось с 11 до 15». Здесь следует уточнить, что количество церквей увеличилось не в Саратовской епархии, а в Саратовской области. Существовала отдельная Балашовская область, приходы которой входили в состав Саратовской епархии. После упразднения Балашовской области находившиеся на ее территории приходы в составе той же Саратовской епархии и остались.

16. Автор допускает ничем не обоснованное сокращение РПЦ.

17. Замечены ошибки и опечатки на страницах: 6, 14, 18, 26, 68, 77, 130, 139, 173 (искажена фамилия А. К. Светозарского), возможно, что опечатки имеются на страницах 117 и 185.

18. Сообщения «Журнала Московской Патриархии» о назначениях и перемещениях архиереев следовало отнести не к литературе, а к источникам.

Представленная Силиным Никитой на соискание ученой степени кандидата богословия диссертация заслуживает хорошей оценки. Автор диссертации заслуживает искомой ученой степени.

5.2 ОТЗЫВ доцента КДА В. В. БУРЕГИ на кандидатскую диссертацию студента 3 курса МДА Никиты СИЛИНА по кафедре Церковной истории на тему: «Жизнь и деятельность митрополита Вениамина (Федченкова) в 1948–1961 гг. в контексте церковно-государственных отношений»

Кандидатская диссертация Н. Н. Силина состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и четырех приложений. Общий объем диссертации — 190 страниц, из которых 16 страниц занимают приложения.

Во введении (с. 4–23) присутствуют все необходимые структурные элементы диссертационного исследования: автор говорит об актуальности избранной им темы, указывает объект и предмет исследования, формулирует цели и задачи диссертации, приводит обзор использованных им источников и литературы, характеризует структуру работы. Однако все эти разделы расположены в не совсем удачном порядке. Сначала диссертант говорит об актуальности темы, затем вдруг сразу же переходит к описанию структуры работы, после этого делает обзор имеющейся литературы и лишь после этого формулирует объект, предмет, цели и задачи исследования, его хронологические рамки и методологические принципы, а затем переходит к описанию использованных источников. Все это является очевидным отступлением от традиционной схемы построения введения в квалификационных работах.

Целью своей работы диссертант считает «рассмотрение жизни и деятельности митрополита Вениамина в период с 1948 по 1961 год» (с.

11). Он также специально подчеркивает, что «хронологические рамки исследования определяются годами служения митрополита Вениамина в Советском Союзе с 1948 по 1961 год» (с. 12). При этом среди задач исследования диссертант указывает рассмотрение раннего этапа жизни митрополита Вениамина, анализ его служения до принятия епископского сана, выявление его участия в Белом движении, анализ его церковного служения в эмиграции (в Европе и Америке) (с. 11). Столь широкий спектр задач явно выходит за рамки указанной автором цели исследования и его хронологических пределов.

Первая глава (с. 24–75) посвящена жизни и церковному служению владыки Вениамина до 1948 года. Таким образом, вся эта глава выпадает из хронологических рамок диссертации. При этом по объему она составляет почти третью часть исследования (51 страница из 160 страниц основного текста работы). К тому же в первой главе автор просто пересказывает общеизвестные факты из жизни владыки Вениамина, практически не внося в сложившуюся в науке картину ничего нового. Более того, в этом повествовании автор допускает ряд досадных недочетов. На некоторые из них нельзя не обратить внимания.

На с. 41–42 диссертант повествует о событиях политической и церковной жизни Украины в 1917–1920 гг. Политическая жизнь Украины в годы революции и гражданской войны описана автором довольно лаконично: «За короткие сроки времени произошла смена различных правительств: сначала гетман Скоропадский в союзе с немцами, затем петлюровцы, а потом и шайка Нестора Махно» (с. 42). Этот поверхностный пассаж вряд ли можно признать удовлетворительным для кандидатского сочинения. Хочется напомнить автору, что с 4 (17) марта 1917 года по 28 апреля 1918 года у власти находилась Украинская Центральная Рада, с 29 апреля по 14 декабря 1918 года — правительство гетмана Павла Скоропадского, а с 14 декабря 1918 года до 10 ноября 1920 года действовала Директория Украинской Народной Республики. Причем сначала Директорию возглавлял вовсе не Симон Петлюра, а Владимир Винниченко. Петлюра стал главой Директории 13 февраля 1919 года. Что касается «шайки Нестора Махно», то она никогда не претендовала на статус всеукраинского правительства. Кроме того,

следует иметь в виду, что 25 января 1918 года в Харькове было создано украинское советское правительство, а в течение 1919—1920 года значительную часть территории современной Украины контролировали войска Деникина и Врангеля. Эти факты необходимо учитывать, повествуя о церковном служении владыки Вениамина в годы революции и гражданской войны.

Точно также автор довольно поверхностно повествует о работе Всеукраинского Православного Церковного Собора в Киеве (с. 41). К сожалению, он не использует такие важные исследования на эту тему, как книги профессора В. И. Ульяновского и И. Ф. Власовского. Диссертант, увы, даже не заглянул в девятый том «Православной энциклопедии», где содержится обстоятельная статья В. И. Петрушко об этом Соборе.

Следует признать, что в первой главе автор не всегда удачно излагает взгляд митрополита Вениамина на советскую власть. Дело в том, что, как верно замечает сам диссертант, взгляды владыки Вениамина претерпевали значительные изменения в разные периоды его жизни, поэтому их всегда нужно понимать в конкретном историческом контексте. Однако, цитируя владыку Вениамина, диссертант, как правило, не указывает, в какой именно момент жизни он высказывал те или иные мысли. Например, повествуя о приходе к власти большевиков и о первых декретах советской власти (с. 45—46), диссертант приводит оценки, которые митрополит Вениамин давал этим событиям в 1940-е годы, когда писал воспоминания. В результате у читателя складывается впечатление, что уже в 1918 году архимандрит Вениамин занял последовательно лояльную по отношению к советской власти позицию. Однако на с. 72 автор приводит высказывание самого митрополита Вениамина о том, что он «с большим трудом пришел к лояльности Церкви перед советской властью». На с. 50 мы также узнаем, что в 1920 году епископ Вениамин вполне сознательно примкнул к Белому движению, явно ему симпатизируя. На той же странице говорится об отрицательном отношении епископа Вениамина к февральскому (1920 года) посланию Патриарха Тихона, в котором духовенству запрещалось участвовать в политической жизни. На с. 51 упоминается, что в

1920 году епископ Вениамин руководил изданием монархической газеты «Святая Русь». А на с. 54 мы узнаем о том, что время прихода к власти большевиков владыка Вениамин прямо называл антихристовым временем. Все эти сведения поданы совершенно бессистемно. Автору следовало более внимательно реконструировать эволюцию взглядов владыки Вениамина, тем более что это имеет прямое отношение к теме рецензируемой диссертации.

Диссертант никак не поясняет уход епископа Вениамина из Свято-Сергиевского института в 1926 году, не говорит о причинах его удаления в сербский монастырь Петковица в 1927 году (с. 56–57).

На с. 57 автор приводит мнение протопресвитера Иоанна Мейендорфа о том, что обновленческий Синод был признан восточными патриархами, что не совсем верно и, во всяком случае, требует специальных разъяснений в свете известных ныне документов.

На с. 61 диссертант, повествуя о Епархиальном съезде, состоявшемся в Париже в 1930 году, говорит, что в нем участвовали «архиепископ Ниццкий Владимир» и «епископ Пражский Сергей». Однако эти иерархи никогда официально не носили таких титулов. В этой связи следует отметить, что автор вообще не уделяет внимания проблеме титулов русских иерархов в эмиграции. Остается неясным, какой официальный титул имел епископ (затем архиепископ, митрополит) Вениамин в годы своего служения на Трехсвятительском подворье в Париже, а затем в Америке.

На с. 71 во втором абзаце автор говорит, что в ноябре 1944 года митрополит Вениамин принял участие в работе Собора епископов Русской Православной Церкви, который состоялся в Москве. А в третьем абзаце на той же странице он сообщает, что митрополит Вениамин впервые вступил на родную землю после 25 лет изгнания в начале 1945 года. Эти два сообщения вступают в явное противоречие друг с другом.

На с. 52 говорится, что в ноябре 1920 года епископ Вениамин эмигрировал в Турцию. Однако в то время такого государства не было. До 1923 года еще продолжала существовать Османская империя, и лишь в 1923 году была провозглашена Турецкая Республика. На с.

53 автор упоминает о пребывании епископа Вениамина «в Стамбуле» в 1920–21 гг. Это также неточность. До 1930 года город назывался Константинополем. Лишь 28 марта 1930 года турецким правительством был официально введен в оборот турецкий вариант названия города — Стамбул (тур. İstanbul).

Главы вторая, третья и четвертая принципиально отличаются (в лучшую сторону) от первой главы работы. Если первая глава носит преимущественно реферативный характер, то три остальные главы написаны почти исключительно на архивном материале и представляют значительный научный интерес. Большинство фактов впервые вводится в научный оборот. Вторая глава (с. 76–123) посвящена служению митрополита Вениамина на Рижской кафедре, третья (с. 124–144) — служению на Ростовской кафедре, четвертая (с. 145–159) — на Саратовской кафедре. В самом тексте главы названы не совсем удачно: «Служение в Рижской епархии», «Служение в Ростовской епархии», «Служение в Саратовской епархии».

Используя материалы ряда московских архивов, диссертант довольно подробно реконструирует служение митрополита Вениамина на указанных кафедрах, а также подробно описывает его взаимоотношения с уполномоченными Совета по делам Русской Православной Церкви в соответствующих регионах. Автор указывает те проблемы, с которыми пришлось столкнуться владыке в этих епархиях, а также старается вполне объективно оценить удачу и промахи митрополита Вениамина в его архиастырском служении. Еще раз подчеркнем, что эта часть диссертации имеет несомненную научную ценность.

Впрочем, и здесь можно указать на некоторые недочеты. Приступая к повествованию о служении владыки Вениамина в Советском Союзе, автор ничего не сообщает о причинах и обстоятельствах его возвращения на Родину. Было ли это его собственное желание? Или же он вернулся по настоянию высшей церковной власти? Или здесь были иные причины? Каким распоряжением митрополит Вениамин был назначен на Рижскую кафедру, и какой ему был усвоен титул? Когда митрополит Вениамин принял советское гражданство? Эти вопросы остались в диссертации без ответа.

Во второй, третьей и четвертой главах в сносках автор приводит многочисленные биографические справки о различных церковных и государственных деятелях, упоминаемых на страницах работы. Однако почти нигде в этих справках не указаны источники информации (см. с. 77, 78, 80, 89, 90, 95, 98, 108, 112 и др.).

На с. 89 автор сообщает, что на рубеже 1940–50-х годов митрополит Вениамин отвечал в течение года более чем на 1500 писем. Интересно, сохранилась ли его богатая переписка? Возможно ли вовлечение в научный оборот этого ценнейшего источника?

На с. 98 упоминается, что в богослужениях на архиерейской даче под Ригой принимали участие семинаристы. При этом на с. 93 сообщается, что владыке не удалось открыть в Риге духовное учебное заведение. Возникает вопрос: что же это были за семинаристы?

На с. 100 автор приводит мнение Патриарха Алексия I о том, что митрополит Вениамин, «находясь в Америке... в денежном и хозяйственном отношении довел Экзархат до развала». При этом на с. 75 сам автор очень высоко оценивает служение владыки Вениамина в Америке. Остается непонятным, насколько справедливо суждение Святейшего Патриарха и как сам диссертант относится к столь резко высказыванию Предстоятеля Церкви о владыке Вениамине?

Непонятно, почему по ходу работы автор с завидным постоянством в словосочетаниях «советская власть» и «советский строй» первое слово пишет с большой буквы (см. с. 112, 113, 116, 117, 120, 132 и т.д.).

На с. 112 автор приводит мнение митрополита Вениамина о том, что «советский строй является лучшим вариантом политического режима в России». Важно было бы указать, в какой период жизни владыка высказывал такие мысли.

Активно используя документы, написанные уполномоченными Совета по делам Русской Православной Церкви, автор порой некритически использует и их лексику. Например, на с. 135 он сообщает, что власти не разрешили владыке Вениамину организовать в Ростове «курсы по подготовке молодых служителей культа», а на с. 136 говорится о проведении месячных курсов «по повышению квалификации зарегистрированных служителей культа». Вообще, автор неоднократно именует священников «служителями культа» (с. 129, 133). На с. 130

употреблен не совсем понятный термин «партипартийность». На с. 135 также читаем, что многие священники «не могли вести службу в церкви по случаю болезни» (следовало бы сказать: «не могли совершать богослужение»). На с. 136 автор пишет, что митрополит Вениамин «выступал» с проповедями (вместо «произносил проповеди»). На с. 146 священнослужители Саратовской епархии называются просто по фамилиям, без указания сана и имени.

Повествование в диссертации фактически заканчивается служением митрополита Вениамина на Саратовской кафедре (1958 г.). Его пребыванию в Псково-Печерском монастыре (1958—1961) автор посвятил лишь чуть больше одной страницы текста, что явно недостаточно.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

Диссертация Н. Н. Силина, по нашему мнению, нуждается в доработке. Эта доработка могла бы заключаться в следующем. Жизнеописание митрополита Вениамина до 1948 года следует изложить в самом кратком виде с подробными ссылками на имеющуюся библиографию. Кроме того, эта глава могла бы быть дополнена подробным описанием эволюции отношения митрополита Вениамина к советской власти. Как менялась позиция владыки в течение 1917—1948 гг.? На каких позициях стоял митрополит Вениамин, возвращаясь в СССР? Насколько его взгляды соответствовали позиции Московской Патриархии и линии Совета по делам Русской Православной Церкви? Для темы исследования это имело бы принципиальное значение. При описании служения владыки в Советском Союзе было бы важно показать, как изменились его взгляды после столкновения с реалиями советской жизни. Кроме того, было бы желательно более подробно описать последние годы жизни владыки в Псково-Печерском монастыре.

И еще одно пожелание. Автор неоднократно упоминает о многочисленных литературных произведениях митрополита Вениамина, над которыми владыка активно трудился, находясь уже в Советском Союзе. Думается, что в диссертации был бы весьма уместен хотя бы общий обзор его литературного творчества в этот период.

После указанной доработки диссертация вполне могла бы быть представлена к защите. Текст второй, третьей и четвертой глав работы свидетельствует о том, что автор вполне способен улучшить свое иссле-

дование и сделать его ценным вкладом в изучение жизни и церковного служения митрополита Вениамина (Федченкова).

6.1 ОТЗЫВ заслуженного профессора Б. А. НЕЛЮБОВА на кандидатскую диссертацию студента 3 курса МДА иерея Иоанна КЕЧКИНА по кафедре Церковной истории на тему: «Св. Опат, епископ Милевитский, как церковный историк донатизма»

Труд священника Иоанна Кечкина, состоящий из 300 страниц машинописи, является серьезным научным исследованием по данной теме и по объему, и по содержанию в соответствии с требованиями, которые предъявляются к современным авторам богословской науки.

На страницах вступительной главы автор добросовестно изложил все, что касается актуальности темы, цели, методологии работы, историографии и новизны проблемы. В трех больших главах, помимо исторических сведений, даются комментарии и анализ событий, причем довольно подробный. Сведения подтверждаются ссылками на отечественных и зарубежных авторов (их более трехсот). Имеются пять приложений, в том числе и географические карты.

Знание материала, владение иностранным языком, с помощью которого раскрывается тема и очевидная новизна работы являют солидную научную зрелость и эрудицию автора. Здесь не просто житие и труды епископа Опата, а ценнейший научный материал, который заполняет пробелы в исторической науке прошлого. Это поистине огромный вклад в отечественную церковно-историческую науку.

Работа производит приятное впечатление, легко читается, грамотно изложена. Незначительные грамматические погрешности не снижают высокого уровня этой прекрасной работы, которая в самом деле является ценнейшим вкладом с сокровищницу отечественной церковно-исторической науки и заслуживает самой высокой оценки — 5.

6.2 Отзыв преподавателя КДА протоиерея Николая ДАНИЛЕВИЧА на кандидатскую диссертацию студента 3 курса МДА иерея Иоанна КЕЧКИНА по кафедре Церковной истории на тему: «Св. Опат, епископ Милевитский, как церковный историк до-натизма»

Прежде всего, хотелось бы отметить смелый и по-научному дерзновенный выбор темы диссертационной работы, направленной на исследование тех областей богословской науки, которые, по большей части, еще мало или вовсе не известны как широкому кругу представителей русского богословия, так и просто русскоязычному читателю-христианину, желающему почерпнуть от источника святоотеческого богословия. Латинская святоотеческая традиция, по тем или иным причинам, долгое время находилась если не на периферии, то, по крайней мере, вне области преференцированных интересов русского богословия. Изучение и популяризация латинской святоотеческой мысли, чем в дореволюционное время активно занимались киевские духовные школы, до сих пор имеет острую необходимость в «делателях», которые смогли бы «поместить на подсвечник науки» тот кладезь христианской богословской мысли, который, к сожалению, все еще находится «под спудом» для русского читателя. Впечатляющий корпус переводных творений Тертуллиана, сщмч. Киприана Карфагенского, Арнобия, блж. Иеронима и Августина — это лишь те первые, еще дореволюционные, плоды, которые были принесены Киевской богословской переводческой традицией, прерванной в начале XX века.

Это всего лишь зримая часть айсберга западной христианской письменности, которая не менее богата на отцов и учителей Церкви, нежели восточная греческая патрология. Взять хотя бы письменное наследие сщмч. Викторина Петавского, Зенона Веронского, Евсевия Верчельского, Пруденция, Полина Ноланского, Петра Хрисолога и пр., которые все еще ожидают своего исследователя в русскоязычном мире. До недавнего времени в их число также входил и выдающийся автор и святитель христианской Африки — святой Опат Милевитский, о котором русскоязычному читателю было практически ничего неизвестно.

Звезда Милевитского епископа, как вполне удачно показал автор диссертации, достаточно ярко горит на небосводе не только древнехри-

стианской Африки, но и всего западного христианского мира. Несмотря на то, что литературное наследие святого Оптата не столь обширно, как творчество Августина Иппонского или блж. Иеронима Стридонского, и ограничивается, казалось бы, лишь одним произведением против донатиста Пармениана, его роль в разборе и исследовании одного из крупнейших расколов на древнехристианском Западе определенно может быть названа ключевой. И в своей диссертации автор очень убедительно это доказывает. Поэтому изучение творчества св. Оптата Милевитского становится крайне важным не только для патролога, но и для церковного историка, интересующегося жизнью Церкви и древнехристианскими расколами в западной части Римской империи.

Идея изучения сочинений Милевитского святителя удачна, своевременна и актуальна еще и потому, что автор рассматривает фигуру святого Оптата как церковного историка и критика расколов, ратующего за церковное единство, то, что и по сей день находится в числе основных проблем не только для Русской Православной Церкви, но и для всего православного мира. Очень любопытно взглянуть через призму мысли святителя Оптата, жившего почти семнадцать столетий назад, на то, насколько вредоносен и разрушителен раскол в истории Церкви Христовой.

Весьма отраднo заметить, что автор активно привлекает современные западные наработки и исследования. В первую очередь, это касается использования критических текстов К. Цивсы (CSEL — Венский корпус) и М. Лабрусс (SC — Лионская коллекция древнехристианских текстов «Христианские источники»), без которых объективное (насколько это позволяет критический текст!) изучение богословия святого Оптата было бы невозможным. Удивление вызывает лишь тот факт, что в библиографии автор относит их к использованной литературе, а не к источникам. Безусловно, заявленная автором тема относится к церковно-историческим вопросам, но это не дает ему права игнорировать латинские тексты в качестве источников и лишь пользоваться вступительными статьями, сопровождающими издания текста в CSEL и SC.

Тем не менее, автор вполне удачно апеллирует к западным монографиям и статьям, параллельно вводя читателя в курс развития па-

трологических знаний и теорий, касающихся личности и творчества св. Оптата. В перечне использованной литературы встречаются элементы на греческом, английском, французском, немецком, итальянском и испанском языках. Это, безусловно, обогащает диссертационный труд и предлагает русскоязычному читателю обширную панораму зачастую недоступных научно-богословских сведений и знаний. Стоит отметить, что автор пытается применить дифференцированный подход к иностранной литературе: отметить ключевые научные работы по св. Оптату, дать им самостоятельный анализ и привести на этот счет мнения представителей западной богословской науки. К достаточно обширной библиографии хотелось бы добавить всего лишь одну работу по экклезиологии св. Оптата Милевитского, написанную в 1923 году на католическом факультете Лионского университета Пьером Шарве, объект исследования которой очень тесно связан с темой рецензируемой диссертации, из чего следует, что данная французская работа могла бы существенно помочь диссертанту при дальнейшей разработке темы.

Среди положительных моментов диссертации стоит отметить поднятие автором проблемы спорных и подложных сочинений, приписываемых перу Милевитского святителя, а также авторства седьмой книги «Против донатиста Пармениана». С помощью западных специалистов автор ясно очерчивает круг творений святого Оптата и тем самым определяет рамки исследуемого в своей диссертации текста. Автор любезно предоставляет в распоряжение читателя все «за» и «против» аутентичности или подложности сочинений, относимых некоторыми исследователями к литературному наследию свт. Оптата.

В целом диссертация выступает как серьезный, амбициозный труд, для составления которого, без сомнения, понадобились не только гибкость ума и знание древних и современных языков, но и большое усердие, усидчивость, методичность в работе и, безусловно, научный интерес и любовь к изучаемому предмету, поэтому рецензируемая работа достойна похвалы и одобрения и ряд приведенных ниже замечаний и рекомендаций оппонента направлен лишь на повышение ее научной ценности.

В первую очередь, необходимо отметить чрезмерную краткость раздела историографии, по существу лишенного подробного анализа

тех или иных библиографических элементов по святителю Оптату, где читатель мог бы ознакомиться с описанием их новизны и ценности, объективности и подверженности позднейшей критике. Стоит отметить, что автор частично закрывает эту лауну в последующих главах своей диссертации, давая характеристику той или иной монографии по ходу работы, но методологически было бы вернее разместить подробную оценку литературы по св. Оптату в специально отведенной для этого главе.

Также стоит отметить чрезмерную лаконичность заключения диссертации, которое насчитывает всего три страницы (а итоговая характеристика святого Оптата как церковного историка и вовсе может уместиться на одной странице!), что для диссертации размером в двести страниц выглядит более чем скромно.

Кроме того, видится необходимым порекомендовать автору при переводе в диссертации латинского текста приводить в сносках язык оригинала, для того чтобы читатель, владеющий латинским языком, мог без консультации критических изданий оценить уровень авторского перевода и усвоить авторский опыт передачи на русский язык ключевых терминов богословия св. Оптата и латинских синтаксических парадигм.

Добавим, что автору нужно обратить внимание на оформление сносок в тексте и применить к оформлению единый подход; в частности, ссылки должны быть расставлены либо до знака препинания (будь то точка, запятая или другой знак), либо после него.

Подводя итог рецензии, следует сказать, что диссертация доступна, интересна и информативна и в целом отвечает нормам и требованиям, которые предъявляются к кандидатскому исследованию. Таким образом, несмотря на ряд вышеуказанных замечаний, можно поздравить автора с успешной работой и пожелать ему дальнейших достижений в области изучения жития и творчества святого Оптата Милевитского.

7.1. ОТЗЫВ профессора В. М. КИРИЛЛИНА на кандидатскую диссертацию студента 3 курса МДА Ивана НИКУЛИНА по кафедре Церковной истории на тему: «Митрополит Игнатий (Римский-Корсаков). Жизнь и деятельность»

Обсуждаемая здесь диссертация (190 страниц основного текста) представляет собой подробное изложение биографии известного русского писателя и церковного иерарха, митрополита Сибирского Игнатия (Римского-Корсакова), наиболее значимые труды которого приходяются на последнюю треть XVII столетия. Как ни странно, подобная работа предпринята впервые, и уже одно это оправдывает усилия автора и придает важность их результатам.

Во введении автор обосновывает тему исследования с точки зрения его значимости для осмысления истории Русской Церкви указанного периода и в плане важности изучения персоналий с позиций современных исследовательских подходов, основанных, например, на интересе к микроистории и к истории повседневности; четко определяет объект и предмет, цель и задачи своей работы; аналитически обозревает все сделанное в науке прежде, выявив при этом пробелы и спорные вопросы, касающиеся его темы и продемонстрировав таким образом научную эрудицию и добросовестность ученого.

Далее, уже в собственном дискурсе, И. А. Никулин значительно пополняет имеющуюся в научно-исторической литературе информацию за счет не менее объемного круга опубликованных и впервые введенных в научный оборот, лично им открытых архивных источников (документы из фонда Сибирского приказа в РГАДА и из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника), что придает его сочинению особенную ценность. Наконец, диссертант последовательно держится комплексной методологии изучения материалов, умело сочетая позитивистские наблюдения, критику источников и исследовательскую рефлексию. В первой главе его работы содержится обзор раннего периода жизни будущего митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия, рассмотрены вопросы его происхождения и первые этапы его церковного служения. Во второй главе подробно прослежена история его архипастырского послушания на кафедре Сибирского и

Тобольского митрополита вплоть до его смерти в Москве в 1701 г. При этом конкретные вопросы (иноческое делание Игнатия, структура Сибирской епархии, устройство кафедры, объем власти епископа, его отношения с населением Сибири, светской властью, приверженцами старого обряда, его административная и миссионерская деятельность) диссертант неизменно проясняет, имея в поле зрения и общие вопросы истории русских монастырей, истории Сибири, Сибирской епархии, старообрядческого раскола, взаимоотношений Церкви и государства. Третья глава диссертации являет собой интересную попытку анализа жизни Преосвященного Игнатия как частного лица. Автор при этом размышляет о личности митрополита, принимая во внимание его религиозность и круг общения. Любопытной представляется попытка исследователя репродуцировать состав библиотеки церковного деятеля и писателя, известный по сохранившимся описям, а также характер его личных вещей на его внутренний портрет, хотя понятно, что результаты подобной репродукции являются весьма и весьма гипотетическими.

Диссертация И. А. Никулина, несомненно, является новаторской. Впервые в отечественной историографии предпринята попытка такой обобщающей работы об известном церковном деятеле XVII столетия. Исследователь скрупулезно собрал воедино все разрозненные факты и отрывочные сведения о его жизни и трудах и, рассмотрев их на широком историческом фоне, сумел показать масштаб личности архипастыря и вскрыть его роль в жизни России и Сибири. При этом диссертанту удалось выявить отдельные детали, которые могут быть полезны при изучении истории повседневной жизни архиерейского дома. Наконец, через биографию одного церковного деятеля автор вышел на острейшую проблему второй половины XVII — начала XVIII в. — на проблему взаимоотношений светской и церковной власти и проследил развитие этого конфликта интересов как на уровне верховной власти, так и на уровне провинциальной, региональной администрации. Все вместе обеспечило исследованию глубину и панорамность.

В заключении подведены основные итоги исследования, намечены перспективы дальнейшего развития темы. Большинство выводов, сделанных автором, вполне аргументированны и не вызывают возра-

жений. Диссертация снабжена объемной библиографией (235 работ, включая архивные материалы) и Приложением (с. 193—252), в котором публикуются некоторые выявленные исследователем рукописные документы в расшифрованном виде или же в виде фотокопий, а также археографические сведения о литературных и письменных делопроизводственных трудах Преподобного Игнатия.

К сожалению, в работе поверхностно характеризуется литературное наследие митрополита: диссертант обращает внимание именно на его внешнюю деятельность. Впрочем, анализ его творений значительно превысил бы допустимый объем кандидатских сочинений; к тому же многие из них уже получили, по крайней мере, идейно-содержательное освещение в отечественной науке, да и сам автор не ставил перед собой задачи их анализа. Как упущение исследователя, но не принципиальное, нужно также отметить отсутствие в его работе археографического описания непосредственно выявленных и использованных им архивных документов (он, разумеется, по ходу своего дискурса ссылается на них, но представления о них читателю не дает).

Несмотря на замечания, диссертация И. А. Никулина, конечно же, соответствует принятым требованиям. Соискатель блестяще продемонстрировал свою способность к анализу источников и специальной литературы, к обобщению собранного материала, к выявлению причинно-следственных связей, к логике рассуждения, к подведению итогов и обозначению перспектив дальнейшего исследования. Вся работа осуществлена им вполне самостоятельно. Ее основные результаты отражены в пяти публикациях и выступлении на конференции. Несомненным успехом молодого исследователя является публикация его статьи о преподобном Игнатии в таком фундаментальном издании, как «Православная энциклопедия». Так что, несомненно, работа И. А. Никулина заслуживает наивысшей оценки, а он сам — ученой степени кандидата богословия.

7.2. ОТЗЫВ доцента ПСТГУ Г. В. БЕЖАНИДЗЕ на кандидатскую диссертацию студента 3 курса МДА Ивана НИКУЛИНА по кафедре Церковной истории на тему: «Митрополит Игнатий (Римский-Корсаков). Жизнь и деятельность»

Тема исследования связана с историей Русской Церкви второй половины XVII века. Нельзя не согласиться с автором диссертации в том, что «эта сложная эпоха еще нуждается в изучении для понимания глубинных причин синодальной реформы». Немаловажным в контексте данной проблематики представляется изучение церковно-административной системы управления как центрального, так и епархиального. Еще в дореволюционной историографии наметилась тенденция критического отношения к этой системе вследствие активного участия в ней светских чиновников (см., например, работы Н. Ф. Каптерева). В связи с этим немаловажным представляется изучение деятельности митрополита Игнатия на Тобольской кафедре, тем более что митрополит Сибирский подвергался критике как со стороны светской, так и со стороны церковной власти. Таким образом, не случайно, что именно Тобольский период деятельности митрополита Игнатия наиболее полно представлен в диссертационном исследовании (сам автор пишет в заключении, что «важнейшим и уникальным достижением исследования стало комплексное изучение деятельности владыки в Сибири» (с. 166)).

Но для того чтобы комплексно изучить деятельность митрополита Игнатия на Сибирской кафедре, необходимо не только изучить структуру Тобольского архиерейского дома (что, конечно, и само по себе немаловажно), но и проанализировать систему управления Тобольской епархией (с учетом возможной модернизации этой системы при митрополите Игнатии), оценив ее эффективность. Немаловажным является вопрос о степени адекватности критики данной системы епархиального управления со стороны церковной и светской власти. Решение данного вопроса требует прояснения характера взаимоотношений между патриархом Адрианом и митрополитом Игнатием, тем более что между ними возник конфликт, повлекший за собой удаление последнего с кафедры.

Для прояснения мотивов действий митрополита Игнатия и характеристики его личности необходимо изучение взглядов Тобольского архиепископа (прежде всего на церковно-государственные взаимоотношения), тем более что исследование имеет не только исторический, но и богословский контекст.

Между тем цель и задачи работы сформулированы таким образом, что не имеют конкретной привязки к историко-богословской проблематике эпохи. Первая задача формулируется так: «собрать и изучить источники о жизни и деятельности Преосвященного Игнатия», но это скорее метод, а не задача, потому что всякое исследование должно быть построено на изучении источников, в противном случае оно не будет являться научным трудом.

Соответственно с задачами и основной текст работы носит преимущественно описательный характер, местами имеет место хроникальное изложение (см. параграф 2.5 «Путное шествие» преосвященного Игнатия).

Когда автор в ходе изложения материалов приводит собственные тезисы, они не всегда аргументируются. Так, повествуя о полемическом произведении митрополита Игнатия «Возобличение на лютеранский катехизис», автор приводит следующую оценку данного труда: «По мнению П. С. Смирнова, полемика не представляет ничего самобытного. “Автор обличает лютеран обычным отвлеченно-догматическим путем, повторяя в этом отношении приемы прежних полемистов. Тон — опять так же, как и у других полемистов тех времен, — бранный”». Никакие иные полемические работы митрополита ранее в работе не анализируются, несмотря на это автор бодро продолжает в начале следующего абзаца диссертационной работы: «Однако настоятель царской обители был не только талантливым полемистом...» (с. 43). Но интерпретировать приведенное мнение П. С. Смирнова как восхваление полемического таланта митрополита Игнатия представляется проблематичным, а собственного анализа данного произведения автор не делает.

На с. 148 своей диссертации автор декларирует близость взглядов митрополита Игнатия и преподобного Иосифа Волоцкого на положение

Церкви в государстве. Но для того чтобы сделать такой вывод, необходимо было провести сопоставление взглядов вышеупомянутых лиц. Однако автор даже не анализирует богословские воззрения митрополита Игнатия, о чем, собственно, сам и пишет в заключении: «В дальнейшем необходимо было бы рассмотреть богословские воззрения владыки» (с. 167).

В некоторых случаях диссертант акцентирует свое несогласие с предшествующей историографией, но опять же без достаточной аргументации. Рассмотрим для примера аргументацию автора при оценке степени причастности митрополита Игнатия к злодеяниям его чиновников-десятильников. Видимо, не соглашаясь с мнением И. Покровского (Покровский считал, что митрополит просто был не в состоянии контролировать ситуацию), автор утверждает, что попытки пресечь действия десятильников митрополит Игнатий «воспринимал как наступление на судебные права Церкви». Однако неясным остается вопрос о том, знал ли митрополит Игнатий о злоупотреблениях своих десятильников, размах антицерковной деятельности которых, по словам автора диссертации, «приводил в шок современников» (с. 109). Если не знал, то верен вышеупомянутый вывод Покровского; если знал, но мирился с беззаконием, не желая, так сказать, «выносить сор из избы», то как тогда автор понимает «защиту интересов Церкви» — неясно. Ведь не считает же он, что Церковь — это некая корпорация, защищать интересы которой необходимо и преступая Закон Божий. Кроме того, автор не приводит никаких новых источников, проясняющих позицию митрополита Игнатия в данном вопросе.

Закономерным итогом нарративного характера основной части работы является отсутствие тезисов, выносимых на защиту. Сложно спорить с выводом о том, что митрополит Игнатий действовал «исходя из своих убеждений», но так как взгляды митрополита Игнатия, как уже было сказано выше, не рассматриваются в работе, трудно понять, почему, например, произошел конфликт митрополита Сибирского с патриархом Адрианом. Правда, автор пытается объяснить данный конфликт тем, что патриарх Адриан отошел «от заветов патриарха Иоакима» после начала единодержавия Петра I. Но что это были за заветы — вот вопрос. Из работы следует только то, что патриарх Адриан после единоличного воцарения Петра:

- порицал митрополита Игнатия за отлучение воевод без его ведома;
- требовал заменить светских десятильников духовными лицами (с. 107);
- повелел виновного в насилии некрещеного татарина предать светской власти для наказания;
- требовал, чтобы митрополит советовался с «бояры и воеводы» (с. 108);
- собирался поставить на Рязанскую кафедру архимандрита Стефана (Яворского) (с. 141).

В своей диссертации автор ограничивается приведением данных фактов, хорошо известных из предшествующей историографии, а в отношении поставления архимандрита Стефана пишет: «Вполне возможно, что большой сторонник греческого просвещения митрополит Игнатий был не согласен с поставлением Стефана (Яворского), боясь усиления пролатинской партии, а также выступал против тех изменений, которые произошли во время его отсутствия в Москве», ссылаясь на А. П. Богданова (с. 141).

Итак, что же из вышеупомянутых действий патриарха Адриана является отходом от «заветов» предшественника? Остается только догадываться, так как автор об этом ничего не пишет. Если это — попустительство усилению пролатинской партии, то при чем здесь тогда изменение «сложившейся в последние годы патриаршества Адриана концепции отношений Государя и Церкви», «непонимание» которой митрополитом Игнатием, по словам автора, и привело к конфликту? Может быть, автор имеет в виду тот факт, что кандидатура архимандрита Стефана (Яворского) была предложена царем? Но, как известно, в Патриарший период (начиная с патриарха Иова) кандидатуры не только архиереев, но и патриархов предлагались, а то и прямо рекомендовались самодержцами. Может быть, автор видит отход от «заветов» патриарха Иоакима в тех вышеупомянутых изменениях, которые произошли в Москве во время отсутствия митрополита Игнатия? Но выяснить, в чем же именно состояли эти изменения, нельзя без обращения к монографии А. П. Богданова.

Однако диссертационное исследование имеет и ряд несомненных достоинств, которые отчасти компенсируют ее недостатки.

Основную часть работы предварают обширный историографический экскурс. Можно сказать, что автору удалось охватить практически всю отечественную историографию по теме исследования. Кроме того, автором составлен полный список трудов митрополита Игнатия. Также несомненным достоинством работы является привлечение новых архивных материалов, благодаря которым автору удалось описать структуру Тобольского архиерейского дома и прояснить некоторые аспекты жизни и деятельности митрополита Игнатия. В диссертации есть ряд локальных открытий: в частности, весьма важным представляется вывод автора о том, что митрополита Игнатия после его отстранения от управления Тобольской епархией не морили голодом, как утверждает один из современных исследователей. Энциклопедическая эрудиция И. А. Никулина получила достойное признание и со стороны редакторского коллектива ЦНЦ «Православная энциклопедия».

Учитывая достоинства и недостатки исследования, можно констатировать, что диссертант заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата богословия с условием, что диссертационная работа будет опубликована только после существенной доработки.

8.1. Отзыв преподавателя С. Ю. ЖУКОВА на кандидатскую диссертацию студента 3 курса МДА иеродиакона ФЕОДОРИТА (Тихонова) по кафедре Филологии на тему: «Источники и методы экзегезы свт. Амвросия Медиоланского на примере его “Толкования Истории патриарха Авраама”»

В представленном исследовании обращает на себя внимание прежде всего хорошо продуманная структура. Работа разделена на две большие части, в первой из которых дается детальное теоретическое раскрытие темы, обозначенной в заглавии как источники и методы экзегезы святителя Амвросия, а во второй, практической, части высказанные положения иллюстрируются на примере толкований свт. Амвросия для различных библейских отрывков. Дополнительное удобство для чтения заключается в кратких резюме, которые находятся в конце каждой главы. Несомненным достоинством является и оригинальный латинский

текст, приводимый в подстрочнике, а также, безусловно, хороший русский перевод латинских источников.

Заслуживает похвалы и активное использование в работе современной богословской литературы на иностранных языках. При этом автор не занимается рабским переписыванием чужих цитат, но творчески использует заимствованный материал, стараясь проявлять определенную долю самостоятельности. Во-первых, диссертант предлагает обзор имеющейся литературы по теме, указывая на особенности каждой из книг и характеризуя степень ее авторитетности, актуальности, глубины содержащихся в ней исследований, а также приводя перечень рассматриваемых в ней вопросов. Во-вторых, ссылаясь на труды различных ученых, автор делает аргументированный выбор в пользу мнения одного из них (в этом отношении примечателен, например, вывод о необходимости отдать предпочтение точке зрения Савона в вопросе о количестве смыслов Писания у св. Амвросия) (с. 65, 69). В-третьих, в некоторых случаях автор позволяет себе критично высказываться относительно суждений авторитетных западных исследователей, например, того же Савона по поводу его утверждения о первичном влиянии Филона на св. Амвросия в отношении идеи о явлении Святой Троицы Аврааму в образе трех странников (с. 138). Все это, а также материал из второй (практической) части работы, свидетельствует о том, что она выходит за рамки простой компиляции мнений признанных зарубежных ученых и является вполне самостоятельным богословским исследованием.

В представленном анализе творений самого св. Амвросия поражает глубина проникновения автора в тонкости экзегетического языка святого толкователя (например, подробный разбор соотношения смысла терминов *moralia* и *littera*, *mystica* и *spiritalia*) (с. 75, 76). При обсуждении примеров толкования избранных мест из текста Библии (2 часть) диссертант стремится изложить все имеющиеся у Амвросия варианты по разным творениям, а если толкование святого множественно или противоречиво, автор стремится объяснить причины противоречия. При оценке значения святого отца как толкователя, в работе присутствуют не только похвалы в его адрес, но содержатся и указания на яв-

ные несовершенства, объясняемые главным образом юным возрастом христианской экзегезы и, как следствие, недостатком ее самостоятельности и зрелости, что для Амвросия выражалось, например, в его сильной зависимости от Филона (с. 101). Очень ценными нам показались и сведения относительно истории толкования того или иного места из текста Библии у древних церковных авторов, например, о явлении трех странников Аврааму (с. 131, 132).

Вместе с тем, несмотря на то, что работа, без всякого сомнения, производит благоприятное впечатление и является актуальной с точки зрения современности и свежести содержащихся в ней выводов, можно указать и на некоторые ее недостатки. Прежде всего, отметим то, что некоторые высказывания, в основном относящиеся к области философии античности, даются без приведения ссылок, подтверждающих действительность выдвигаемых положений. Так, например, утверждение о том, что «экзегетический метод Филона (имеется в виду аллегория) берет свое начало в стоицизме» (с. 32, см. также с. 36, 94, 100), безапелляционно преподносится как непререкаемая и общеизвестная истина. Однако если бы автор работы, столь щедро снабдивший свойopus цитатами из книг иностранных авторов, заглянул в издание избранных сочинений Филона на русском языке, выпущенное греко-латинским кабинетом Шичалина (которого, кстати, нет в списке библиографии), и ознакомился бы со вступительной статьей Е. Д. Матусовой, то мнение о стоическом происхождении аллегории уже не казалось бы столь бесспорным и общепризнанным. Или, например, упоминание о «двойной аллегории» у Филона и Амвросия (98) явно выглядит как введение в оборот нового или уже известного экзегетического термина, для которого необходимо указать автора — либо внешнего, либо самого диссертанта — или хотя бы сослаться на источник заимствования. Однако, вне всякого сомнения, указанные недостатки лишь незначительно умаляют общую ценность представленного исследования, уровень которого является, как нам кажется, образцовым для нашего учебного заведения.

Можно указать и на совсем мизерный недочет: незначительное число орфографических ошибок и опечаток. Встречаются и ошибки в написании диакритических знаков древнегреческих слов.

Учитывая все вышесказанное, работа заслуживает высокой оценки.

8.2 *Отзыв с.н.с. сектора философии религии А. Р. ФОКИНА на кандидатскую диссертацию студента 3 курса МДА иеродиакона ФЕОДОРИТА (Тихонова) по кафедре Филологии на тему: «Источники и методы экзегезы свт. Амвросия Медиоланского на примере его “Толкования Истории патриарха Авраама”»*

Диссертационное исследование иеродиакона Феодорита (Тихонова), посвященное источникам и методам библейской экзегетики свт. Амвросия Медиоланского, представляется нам весьма актуальным и своевременным. Дело в том, что последние две монографии российских патрологов С. Лосева и И. И. Адамова, затрагивающие рассматриваемую в диссертации проблематику, были написаны в конце XIX — начале XX века и на сегодняшний день во многом устарели. И это неудивительно, ведь в течение XX — начале XXI века на Западе появились как критические издания оригинальных текстов святителя Миланского, так и десятки новых научных исследований его богословского наследия. Как представляется, многие из этих исследований, относящихся к экзегетике свт. Амвросия, автору удалось не только прочесть, но и учесть при написании своей работы. Уже одно это обстоятельство придает диссертации о Феодорите большой вес и делает ее значительным вкладом в российскую патрологическую науку.

Задачи диссертационного исследования сформулированы, с одной стороны, достаточно широко, с другой же стороны, основная, вторая, часть работы сосредоточена на конкретной теме, отраженной в конкретных текстах святителя Миланского, поэтому мы находим в работе не только должный уровень теоретизирования и обобщения, но и множество конкретных примеров экзегезы, являющихся результатом практической работы по анализу оригинальных латинских текстов, большая часть которых до сих пор не переведена на русский язык. Действительно, в первой, теоретической, части автор рассматривает такие вопросы, как место Священного Писания в богословии свт. Амвросия, источники его экзегезы (Филон Александрийский, Ориген, Дидим), используемый им экзегетический метод, соотношение различных смыслов Писания и т.д. При этом диссертант на основе последних научных достижений в области герменевтики и источников экзегетики святителя Миланского рассматривает разные позиции ученых и фор-

мулирует свои собственные выводы. В частности, он стоит на позиции тех исследователей, которые выделяли два, а не три смысла Священного Писания по свт. Амвросию: буквальный и духовный, причем первый он отождествляет с нравственным толкованием, а второй — с мистическим (глава 5). При выявлении источников экзегезы святителя Миланского диссертант углубляет наши познания о влиянии Филона Александрийского, Оригена и Дидима. В последнем случае автор, сознавая, как трудно отделить толкования Дидима от толкований Оригена, стремится определить те места, где Дидим хотя и пользовался толкованиями Оригена, но значительно обогатил мысли последнего своими собственными дополнениями, которые, в свою очередь, повлияли на экзегезу св. Амвросия. Так, в главе 7 автор показывает, что в трактате «De Abraham» присутствуют явные следы толкования Дидима на книгу Бытия.

Во второй, практической, части автор для иллюстрации своих теоретических выводов на конкретных примерах обращается к одной из сквозных тем ветхозаветной экзегетики святителя Миланского — истории патриарха Авраама. Он рассматривает предлагаемые св. Амвросием различные толкования призвания Авраама, затем — случаев, когда Авраам выдавал себя за брата Сарры, наконец, он анализирует экзегезу Богоявления Аврааму при Мамврийском дубе и жертвоприношения Исаака. При этом он стремится следовать герменевтическому методу святителя Миланского и последовательно рассматривает буквальный (нравственный) и таинственный (типологический) смысл этих ветхозаветных событий. Попутно автор рассматривает источники, которыми пользовался св. Амвросий для толкований, и выясняет вклад самого святителя в экзегезу истории Авраама. Как и в первой части, диссертант приводит свои собственные переводы многочисленных цитат не только из творений св. Амвросия, но и многих других древних авторов, что делает исследование наглядным и доказательным.

Все это составляет неоспоримые достоинства диссертации о Феодорита, написанной на высоком научном уровне. Несмотря на это, данной диссертации, как и любой другой, присущ ряд недостатков.

Одним из теоретических недочетов нам представляется недостаточная обоснованность и продуманность теории «двух смыслов».

Насколько мы поняли, диссертант, вслед за французскими исследователями Эрве Савоном и Жераром Норуа, отдает предпочтение двухчастному, а не трехчастному делению смыслов Священного Писания у свт. Амвросия. Действительно, выделение двух основных смыслов Писания — буквального (исторического) и духовного (аллегорического) — было характерно для большинства древних христианских экзегетов, не исключая самого Оригена. При этом второй, духовный, смысл мог включать в себя как нравственное толкование, так и типологическое или возвышенно-аллегорическое (анагогическое, мистическое) и т.п. толкование. Однако в диссертации о. Феодорит соотносит нравственное толкование то с историческим смыслом, то с духовным, то с тем и другим вместе. Так, ссылаясь на Э. Савона, он пишет: «Необходимо различать у него (свт. Амвросия), с одной стороны, нравственный смысл библейского рассказа, взятого в буквальном смысле, как, например, послушание и вера Авраама, целомудрие Иосифа, ревность пророков и т. д., а с другой стороны, нравственный смысл, выведенный из повествования аллегорическим образом. В первом случае нравственный смысл является неотъемлемой частью исторического смысла, так как совпадает с намерением автора. Во втором же случае нравственный смысл может браться из тех мест Священной истории, где автор, по-видимому, совсем не намерен давать нравственные уроки своим читателям, когда, например, нравственные рассуждения выводятся из значения цифр или этимологии имен собственных. В этом случае моральный смысл становится частью смысла таинственного» (с. 51). Тут как будто бы признаются три смысла: буквальный, нравственный и таинственный. Но в другом месте автор пишет, что у свт. Амвросия выделяются всего два смысла: «1) *moralia*, которая включает в себя буквальный или исторический смысл, и 2) *mystica*, которая объединяет антропологический аллегоризм и типологию» (с. 54). В заключении же диссертационной работы мы находим совсем другие два смысла: «Исследованные тексты во второй части работы убедили нас сполна в правоте тех ученых, которые выделяют у святителя только два смысла Писания: буквальный, частью которого являются нравственные выводы библейской истории, и духовный, в который входит как традиционная типология, так и филоновский аллегоризм»

(с. 147). Такая авторская непоследовательность и разноречивость во мнениях только запутывают читателя и свидетельствуют о том, что у самого автора нет ясного ответа, какую же герменевтическую схему использует святитель Миланский. Не имея возможности вдаваться в подробности и доказательства, мы, со своей стороны, склоняемся к мнению, что свт. Амвросий так же, как, например, св. Иероним, хотя теоретически и признавал наличие трех смыслов в Священном Писании: буквального, нравственного и таинственного, в практическом же отношении отдавал предпочтение двухчастной герменевтической схеме: «буквальный — духовный смысл», причем нравственный смысл, в большинстве случаев напрямую не содержащийся в историческом повествовании, требовал определенных герменевтических процедур для его извлечения и поэтому должен относиться скорее к духовному, чем к буквальному толкованию¹.

К практическим недостаткам диссертации можно отнести отдельные неточности перевода и недостаточно литературно обработанные фразы. Приведем несколько первых попавшихся нам на глаза примеров.

Неточности. На с. 16 лат. термин *gloria* почему-то переведен как «свет»: «...и сегодня еще мы можем видеть Моисея в великом свете» (вместо «в великой славе», *in maiore gloria*).

На с. 18 читаем: «... насколько нам должно пренебрегать словами, взирать на тайны, которыми побеждается простота слова...» (лат.: *quanto magis nos negligere verba debemus, spectare mysteria, quibus vincit sermonis vilitas*). Автор перепутал залог: вместо «побеждается» следует переводить «побеждает» (*vincit*): «... насколько же нам следует пренебрегать словами и обращать внимание на тайны, посредством которых простота речи одерживает победу...».

Буквализмы. На с. 17 словосочетание *pondus rerum* переведено как «вес тех вещей»: «Святитель Амвросий... призывает обращать внимание не на порядок слов (*verborum seriem*), а на вес тех вещей (*pondus rerum*), которые они выражают». Предлагаем наш литературный пере-

¹ Подробнее этот вопрос в связи с экзегетическими принципами св. Иеронима мы рассматриваем в нашей книге: Фокин А. Р. Блаженный Иероним Стридонский: библист, экзегет, теолог. М., 2010. С. 122–131.

вод полной латинской фразы: «В Божественных Писаниях мы должны исследовать не порядок слов, а значение событий» (лат.: *In Divinis quidem Scripturis non verborum seriem, sed rerum pondus examinare debemus*).

На той же странице читаем: «Нет ничего другого для животворения разумной души, чем Божественные словеса» (лат.: *Nec quidquam aliud est quod vivere faciat rationabilem animam, quam alloquium Dei*). Предлагаем наш литературный перевод: «Только слово Божие способно оживотворить разумную душу».

На с. 20 читаем: «Первый год в патриархах, и урожай от людей в этом году был такой, какого не было после на земле. Второй год в Моисее и остальных пророках. Третий год в пришествии Спасителя Господа». Предлагаем наш литературный перевод: «Первый год наступил при патриархах, поскольку в этом году у людей был такой урожай, какого после этого никогда не было на земле. Второй год наступил при Моисее и остальных пророках. Третий год наступил с пришествием Господа Спасителя» (лат.: *Unus in Patriarchis annus: denique de hominibus tunc anni proventus fuit, qualis non fuit postea super terram. Alius in Moysae et prophetis caeteris. Tertius in Domini Salvatoris adventu*).

Подобных примеров можно было бы привести еще немало. Впрочем, это вполне объяснимо недостаточной опытностью диссертанта как переводчика святоотеческих текстов.

Встречаются в диссертации также отдельные ошибочные утверждения. Так, на с. 146 автор говорит, что представление о философии как об отделении души от тела у св. Амвросия происходит от «стоической морали Филона». Однако это представление никак не стоическое, а пифагорейско-платоническое. Достаточно вспомнить платоновский диалог «Федон», в котором Сократ говорит: «Именно в том прежде всего обнаруживает себя философ, что освобождает душу от общения с телом в несравненно большей мере, чем любой другой из людей» (*Phaedo* 64e).

Вместе с тем мы полагаем, что в целом диссертация иеродиакона Феодорита (Тихонова) удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к диссертационным работам по патрологии и библеистике, а ее автор заслуживает искомой ученой степени кандидата богословия.